

ЭММА СКОТТ

ЗАЖЕЧЬ НЕБЕСА

18+

БЕЗ ТЕБЯ МНЕ НЕЧЕМ ДЫШАТЬ

Эмма Скотт
Зажечь небеса
Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57064485

*Зажечь небеса:
ISBN 978-5-04-111632-3*

Аннотация

Он лишился всего. Она сумела зажечь для него небеса...

Никогда больше не позволю сделать свое сердце чьей-то игрушкой.

Никогда больше не позволю парню встать между мной и моими целями.

Никогда больше я не буду любить, если не почувствую, что меня любят так же сильно.

Таковы мои клятвы, которые стали реальностью, едва он вернулся домой.

Он берег мое сердце.

Он помог найти мне свое предназначение в жизни.

Он любил меня такой чистой и сильной любовью, о какой я не смела и мечтать.

Но это продлилось ровно до того момента, пока я не обнаружила, что мое счастье было соткано из лжи. Одновременно

соблазнительной и ужасно горькой. А потом стало слишком поздно...

Содержание

Благодарности	6
Плей-лист	9
Посвящение	10
Часть I	11
Пролог	11
Часть II	20
Глава первая	20
Глава вторая	36
Глава третья	52
Глава четвертая	63
Глава пятая	69
Глава шестая	82
Глава седьмая	90
Глава восьмая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Эмма Скотт

Зажечь небеса

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Трудно писать о том, как создавалась эта книга, и поблагодарить человека, которого нужно поблагодарить, не выдав кое-какие особенности сюжета. Некоторые детали я оставила для послесловия в конце. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЧИТАЙТЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ до тех пор, пока не закончите книгу, если не хотите РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ узнать важные сюжетные ходы.

Выражаю благодарность Робин Рене Хилл. Никакими словами не описать, что ты для меня сделала: за минувшие три месяца ты порой даже откладывала собственную работу, чтобы помочь мне закончить книгу. Мы сделали это вместе. Это наша книга, не моя. Люблю тебя.

Мелисса, спасибо за твои потрясающие, мастерски выполненные обложки – ты очень точно ухватила дух книги – и спасибо, что ты стала моим проводником во внешний мир, а также моим утешением в моем маленьком мирке. Без тебя я бы пропала.

Спасибо, Сьюэнн, за то, что применила свой дар редактора в работе над этой книгой, и за часы любви, вдохновленные страницами и подаренные просто так. #labu

Джоанна, Сара и Джой, спасибо, что направили меня в верное русло, когда я сбилась с курса. Ваш вклад в эту книгу бесценен.

Дэни, спасибо за помощь, без тебя я не нашла бы средств к существованию и сгинула бы в бурных водах. Я очень тебе благодарна.

Анджела, спасибо, что отложила собственные дела и помогла наполнить эту книгу красотой. Ты всегда меня выручаешь, так что спасибо.

Грей, спасибо, что ты всегда оказываешься на один текст впереди; люблю тебя.

Выражаю благодарность Колину Лениану, доктору медицинских наук, за его ценные советы и опыт.

Спасибо Марку Андерсону, военнослужащему морской пехоты США, за то, что поделился своими знаниями и опытом: благодаря ему я постаралась достоверно нарисовать суровое лицо войны, однако все ошибки и вольности, допущенные ради сюжета, на моей совести. И благодарю за вашу службу, сэр.

Спасибо всем моим друзьям за любовь и поддержку: Кейт Стюарт, Кеннеди Райан, Кейти Регнери, Шанора Уильямс, Райн Миллер, Джейд Уэст, Ребекка Ши, Лиза Пол со товарищи, Ники Грант, Дезире Адель и Дилан Ален.

Спасибо всем, кто помогал мне в работе. У меня просто нет слов, чтобы сказать, как много вы для меня значите. Я всех вас люблю.

Спасибо всем фанатам этой книги, которые всё еще со мной: я до сих пор здесь и продолжаю писать во многом благодаря вам.

Спасибо всем военнослужащим этой страны. Работая над книгой, я пришла к более глубокому пониманию того, сколь многим жертвуют они и их семьи изо дня в день. Примите мои глубочайшие уважение, благодарность и любовь. Спасибо.

Плей-лист

«Switchblade» LP

«Happier» Marshmello

«Love Me Like You Mean It» Kelsea Ballerini

«In My Blood» Shawn Mendes

«It Ain't My Fault» Brothers Osborne

«broken» lovelytheband

«Africa» Toto

«Natural» Imagine Dragons

«You Should See Me in a Crown» Billie Eilish

«You're Somebody Else» Flora Cash

«Don't Speak» No Doubt

«Recovery» LP

«Something Just Like This» The Chainsmokers

Посвящение

Для Робина, потому что он взял меня за руку и до сих пор крепко держит.

Для Мелиссы, потому что она всегда ведет себя хорошо.

Для Роберта, который встал и сказал: «Я ее не отпущу».

И для Изабель.

Это и всё остальное я делаю с любовью, я делаю это для тебя, малыша. Отныне и навеки.

Часть I

Аль-Раи, Сирия

Пролог

Коннор

Я судорожно втянул в легкие воздух и пришел в сознание, вновь погрузившись в царящий на земле хаос. И боль – на меня обрушилась боль.

Перед глазами всё расплывалось, как будто я находился под водой. Я не мог сдвинуться с места, меня пригвоздило к земле; что-то тяжелое давило на грудь, так что я с трудом мог вдохнуть. Выстрелы, крики и минометный огонь звучали где-то вдалеке, их заглушал звон у меня в ушах. Левая рука налилась тяжестью и дико болела.

Я отчаянно заморгал, пытаюсь сфокусировать взгляд, и понял, что тяжелым якорем, прижавшим меня к земле, был Уэс.

Он лежал на мне лицом вниз, уткнувшись шлемом мне в грудь, и не двигался. Я не видел его глаза, их заслонял шлем. Я не знал, жив он или мертв.

«Жив. Он обязан быть живым».

Меня охватил такой ужас, какого я никогда прежде не ис-

пытывал, в кровь хлынул адреналин.

– Уэс, – прохрипел я. – Уэс!

Мой взгляд заметался по сторонам, я хотел оценить обстановку. Из-под тела Уэса вытекала лужа крови, и при виде этого зрелища мой страх усилился. Я забарахтался, пытаюсь сесть, и боль стальными зубами впилась мне в локоть. Дрожая, как в лихорадке, я повернул голову и увидел, что из моего предплечья, ближе к локтю, торчит осколок шрапнели.

– Зараза.

Этот кусок металла, воткнувшийся мне в тело, пугал меня до икоты, но я отбросил панику.

«Уэс».

Нужно понять, что происходит. Мы находились на южном краю деревни, большая часть построек осталась у нас в тылу. Сражение еще продолжалось, но сдвинулось на восток; за полуразрушенными островами домов я видел бегущих в дыму людей.

Мы с Уэсом торчали на открытой местности. Ярдах в восьми от нас чернела воронка, забрызганная кровью, рядом лежала детская сандалия. Я вспомнил, как бежал к ребенку, чтобы увести его в укрытие. Я уже протянул к нему руку... и на этом воспоминания обрывались, но я уже догадался, что случилось потом.

«Уэс погнался за мной, оттолкнул меня от взрыва снаряда, который я не видел, и спас мою задницу».

Тут до меня дошла вся правда, и в груди заклокотало ры-

дание. Уэс заслонил меня собственным телом, и пока мы лежали у противника на виду, в него попало несколько пуль.

«И теперь он мертв».

– Уэс! – закричал я. – Боже, нет...

Закусив губу, чтобы не заорать от боли в руке, я кое-как выполз из-под тела своего лучшего друга и осторожно опустил его голову на землю. Глаза Уэса были закрыты, рот слегка приоткрыт. Я приложил два пальца к его горлу, и слезы начали жечь мне глаза: я нащупал пульс, слабый и медленный, но пульс.

– Спасибо... – выдохнул я.

Встав на колени, я осмотрел его раны, и сиюминутное облегчение сменилось страхом. В задней части его бедра темнело пулевое отверстие, вся нога была залита кровью. На спине по крайней мере три отверстия – пули пробили камуфляж и плоть под бронежилетом; из раны в верхней части бедра торчали раздробленные фрагменты кости.

– Господи, нет. Ну же, Уэс, ну же...

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы подавить рвотный позыв и не разрыдаться. Мы на виду. В десяти ярдах от меня темнело нагромождение кирпичей – самое ближайшее укрытие. Паника и страх подхлестнули меня, а долгие часы тренировок сделали остальное.

Поднявшись на трясущиеся ноги, я пригнулся, ухватил Уэса за лямки его рюкзака и поволок в укрытие. Я стиснул зубы и тянул изо всех сил. Под Уэсом заскрипел песок, он

сдвинулся на дюйм или два. Слишком медленно, он слишком тяжелый.

Я трижды глубоко вдохнул и выдохнул сквозь зубы. В паре десятков ярдов от нас прогремели выстрелы, раздался взрыв, и нас накрыло волной мелких обломков. Не сила, а адреналин заставил меня двигаться. Через несколько мучительных секунд я затащил Уэса за нагромождение кирпичей и упал рядом с ним на колени.

– Ты останешься со мной, Уэс, слышишь? – выдохнул я, снимая с себя рюкзак. – Ты останешься со мной, мать твою. Не смей мне тут помирать, или я сам тебя прибую.

Лямка рюкзака зацепила торчащий из моей левой руки обломок, и я подавился криком.

– Врача! – завопил я, вытаскивая из рюкзака аптечку. – Помогите мне, пожалуйста! Нужен врач!

В каждом взводе был медик, и я надеялся, что наш – Уилсон – не умер; впрочем, в *тренировочном лагере мы все прошли курс первой помощи*. Одной рукой я кое-как наложил на правую ногу Уэса жгут, расположив его над раной, и затянул его так туго, как только смог. Красная кровь перестала вытекать из пулевого отверстия в ноге Уэса.

– Врача! – снова заорал я. – Ради всего святого, помогите мне! Мне нужен врач!

Я снова полез в аптечку и достал шприц для остановки кровотечения. Давным-давно мы в шутку называли эту штуку «снарядом с тампонами». Зубами разорвав упаковку, я

вытащил огромный шприц, приложил наконечник к ране на бедре Уэса, нажал на поршень, и абсорбирующие губки заполнили зияющую рану, мгновенно пропитавшись кровью.

Поглядев на остальные его раны, я поморщился – отверстия в нижней части спины, под бронежилетом. С ними нужно было что-то делать, но мне не хватало опыта, я изо всех сил старался не потерять сознание. У меня закружилась голова, нахлынула слабость. Больше я ничего не мог сделать для Уэса.

Я тяжело, обессиленно плюхнулся на пятую точку, судорожно втянул в себя воздух и завопил во всю мощь легких: – Врача!

Я кричал так громко, что надсадил голос. Из глаз брызнули слезы.

– Господи Иисусе, кто-нибудь, помогите мне!

В грохоте сражения мои слова прозвучали совсем тихо.

Преодолевая тупую, пульсирующую боль в руке, я наклонился к лицу Уэса и слабо похлопал его по посеревшей щеке.

– Очнись, Уэс, – хрипло попросил я. – Просыпайся сейчас же, черт возьми. Не умирай, Уэс, пожалуйста...

Я обессиленно привалился к груде кирпичей. Звуки стрельбы стихли; сквозь звон в ушах я слышал крики, женский плач. Я не знал, победили мы или проиграли, знал только, что с каждой секундой Уэс всё ближе к смерти.

Я взял его обмякшую руку и крепко сжал. Покачал головой, не отрывая ее от груды кирпичей.

– Держись, хорошо? – пробормотал я. – Слушай меня, мой голос. Не уходи, Уэс. Останься и слушай меня, ладно?

На миг я зажмурился, чтобы не дать пролиться слезам, потом судорожно перевел дух, отгоняя от себя горе.

– Помнишь, как нам с тобой было лет по... четырнадцать... как мы столкнулись с Кайлой Мерфи после школы? Она была с подружками и улыбнулась тебе... Ты долго по ней сох. Позже вечером ты рассказал об этом нашим приятелям. Мы сидели... болтали о девчонках, которые нам нравились... и строили из себя крутых.

Я тяжело сглотнул, в горло как будто набились трава и песок.

– Мы все... похвалялись, мол, «я оприходуя эту милашку»... хотя все были еще девственниками. – Я устало усмехнулся. – Все, кроме тебя. Ты играл в дартс и... ты же был влюблен в Кайлу Мерфи. Помню, как ты всё бросал дротики и сказал, что хочешь ее поцеловать... Ты сказал «в маленькую ложбинку рядом с ключицей, туда, где бьется ее сердце».

Сквозь заволакивающий глаза туман я смутно различал фигуры бегущих к нам людей. Наши.

– Все парни вытаращились на тебя, – продолжал я, – а ты обернулся... с дротиком в руке, и у тебя такой вид, типа, «ой, черт, неужели я сказал это вслух?» Но ты не стушевался, не попытался пошутить... ты пожал плечами и сказал: «Ага, вот что я сделаю». И продолжил метать клятые дротики.

Я тихо смеялся, когда к нам подбежали Уилсон, Джефф-

рис и еще пара ребят. Уилсон, наш медик, немедленно склонился над Уэсом, а Джеффрис сказал мне – его голос доносился издалека, – что вертолет вот-вот будет.

Я всё говорил с Уэсом и не выпускал его руку.

– Остальные парни... понятия не имели, как реагировать. Они уставились на тебя, а потом начали хохотать, помнишь? Они подумали... что ты прикалываешься. Я тоже засмеялся, хотя знал, что ты не шутишь. Ты вообще не шутил, правда, Уэс?

Наверное, на какое-то время я вырубился, потому что когда очнулся, Уилсон и его команда забинтовали торс Уэса и теперь готовились перевернуть его на счет «три», чтобы положить на спину, на носилки.

Они сняли с него бронежилет, и что-то выпало из кармана его рубашки. Согнутая пополам, испачканная кровью тетрадь. Прилетел вертолет; песок, ветер и крики хлестали меня по лицу, но я всё равно протянул руку и схватил тетрадь, как раненую птицу, которая вот-вот улетит.

Уилсон говорил, чтобы я был готов забираться в вертолет, что нужно заняться моей рукой, но я его не слушал. Пока они грузили Уэса, я перелистнул несколько страниц тетради. Мой затуманенный взгляд упал на последнее стихотворение, и я стал его читать; некоторые слова расплылись, как будто на бумагу капали слезы, страница была испачкана кровью.

Это слезы Уэса.

Кровь Уэса.

Внизу страницы стояла подпись: его имя, не мое. Словно признание.

– Да, Уэс, – проговорил я, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Правда. Вот она – правда.

Мы забрались в вертолет, и над Уэсом склонилось еще несколько врачей. В ход пошли капельница, кислородная маска, но я увидел, как один из медиков мрачно покачал головой.

Кто-то помог мне снять бронежилет и попытался заняться моей рукой.

– Оставьте, – сказал я. – Дайте ручку.

– Чего? – переспросил врач, перекрикивая шум, создаваемый вертолетными лопастями. – Ручку?

Я посмотрел на Уэса – глаза закрыты, лицо страшно осунулось и побледнело.

– Дайте чертову ручку! – пронзительно заорал я.

Парень исчез из поля моего зрения, потом вернулся с шариковой ручкой. Я вырвал ее у него из рук, прижал тетрадь к ноге левой рукой – рука онемела, я ее почти не чувствовал – и накорябал на чистой странице:

Отем,

Это и всё остальное написал Уэс. Для тебя.

К

Я попытался указать адрес, но ручка выпала из пальцев. Я прижал тетрадь к груди медика, голова у меня кружилась, глаза закрывались. Вертолет взлетел.

– Вы должны отправить это почтой. Отправьте это...

– Что? Твоя рука...

– К дьяволу мою руку, вы должны это отправить. Отем...

Отем Колдуэлл. Университет Амхерста... Риден Холл. Нет.

Роудс?.. – В глазах опять потемнело, и на этот раз я не смог

открыть глаза. – Черт, не могу... Это в Амхерст. Поняли?

Отем...

Наступила темнота.

Часть II

Небраска – Июль

Глава первая

Отем

Солнце поднималось над горизонтом, заливая всё вокруг расплавленным золотом, а темно-синие и фиолетовые краски ночи медленно таяли.

– Только посмотри. – В голосе отца звучало благоговение. – Невероятно, правда?

Я крепче прижалась к его боку и кивнула. Мы сидели на качелях, установленных на крыльце, и любовались восходом.

– Да, действительно, невероятно.

– Когда видишь такой восход... Сразу появляется ощущение, будто грядет нечто удивительное.

Я снизу вверх заглянула в его посеревшее, осунувшееся лицо. Его волосы, прежде ярко-рыжие, как у меня, совершенно поседели после операции на сердце, через которую папа прошел в прошлом октябре. Папины плечи и грудь казались уже, чем прежде, клетчатая рубашка висела на нем мешком. Он снова работал на земле, хоть и не так интенсив-

но, как раньше.

– Нечто удивительное, – повторила я и тихо вздохнула.

Я почувствовала, что папа смотрит на меня сверху вниз.

– Почему ты никогда не хочешь говорить об этом парне, о Конноре? Ты ни разу его не упомянула с тех пор, как приехала.

Это имя наполнило мое сердце тихой тоской и пронизывающим страхом. Стоило мне подумать о Конноре, и в душе оживали потаенные, обжигающие мысли, которые я так долго от себя гнала.

«Уэстон...»

– Я боюсь за него, – проговорила я. – С тех пор как он уехал, я получила лишь несколько электронных писем. Только «привет, как дела» и основные новости.

«И ни слова об Уэстоне».

– Война творит ужасные вещи с сердцем и разумом человека. – Отец покачал головой. – Ты не знаешь, скольким трудностям и бедам он там противостоит. Возможно, эти электронные письма – всё, на что он способен.

– Знаю, мне просто хотелось быть уверенной, что с ним всё в порядке, что он обязательно со мной поговорит.

Виктория Дрейк сказала мне, что Коннор часто им звонит, если позволяют обстоятельства. По большей части новости о нем я получала от его матери, а не от самого Коннора.

«Рассказал ли ему Уэстон, что мы сделали? Коннор знает, что я ему изменила?»

Если да, то это лучшее объяснение молчания Уэстона и редких, скудных сообщений от Коннора. До отправки на фронт Уэстон поклялся не рассказывать другу про наш с ним поцелуй – поцелуй, который едва не перерос в нечто большее. Уэстон сказал, что боится рисковать, что душевное состояние Коннора слишком шатко, что лучше сделать это признание потом, когда они вернутся с войны.

Наверняка его терзает чувство вины. Иначе почему Коннор перестал мне звонить?

– Думаю, Коннор старается вообще не думать обо мне, – пробормотала я, глотая слезы. – И, возможно, это к лучшему.

Отец крепче обнял меня за плечи.

– Не теряй надежду, верь в своего мужчину и его любовь к тебе. Она слишком ценна для вас обоих.

– С каких пор ты стал таким сентиментальным?

Папа указал на поле – куда ни глянь, зеленело море кукурузы, высокие стебли отливали золотом в лучах восходящего солнца.

– С тех пор как попал в больницу и едва не потерял всё это, – ответил он. – Болезнь лучше чем что бы то ни было показала мне, что на самом деле важно. – Ты, твой, брат, твоя мать. Люди, которых я люблю.

Мужчины, которых любила я, сейчас находились за полмира от меня, смотрели в лицо страшной опасности, а я застряла здесь и даже не знала, живы они или нет.

Я вздохнула и крепче прижалась к отцовскому боку. Мне хотелось всё ему рассказать. Папа выслушает и не станет меня осуждать. Он всё равно будет мною гордиться, всё равно будет благодарен за деньги, которые дал мне Коннор на спасение фермы. Но, похоже, мне нечем было гордиться по окончании третьего курса: все мои достижения сводились к кое-как натянутым до проходного балла оценкам и разбитому (в очередной раз) сердцу.

«Нет, мое сердце разделено надвое».

Я проследила за взглядом папы, посмотрела на зеленое поле и восходящее солнце, пытаюсь обрести покой в этом дивном пейзаже или разглядеть что-то удивительное, нечто прекрасное, ожидающее меня в будущем.

– Всё так запуталось, – пробормотала я. – Я запуталась. Каждый день я молюсь за Коннора и Уэстона, но с каждым днем всё меньше верю в наше счастливое будущее.

«Для нас троих».

Отец надул губы.

– Я слышу всё, что ты говоришь, милая. Только ты одна ведаешь, что для тебя лучше. Но я знаю одно: какие бы события ни подкидывала нам жизнь – хорошие, плохие или того хуже, – они всегда нас закаляют. Делают сильнее. Мудрее.

– Я просто хочу любить кого-то, кто будет любить меня в ответ. Никаких игр. Никакой неопределенности.

Во взгляде отца светились доброта и любовь, он погладил меня по щеке мозолистой ладонью.

– Ты ее найдешь.

Я посмотрела на часы и встала.

– Мне пора идти, если я хочу успеть на самолет.

– Жаль, что тебе приходится возвращаться так рано. Скоро четвертое июля...

– Знаю, но я собираюсь сразу же приступить к работе над гарвардским проектом и провести немного времени с Руби перед ее отъездом в Италию. – Я потеряла глаза. – Эх... и придется привыкнуть к новой соседке.

– Жаль, – сказал папа, медленно поднимаясь на ноги. – Мне нравится эта Руби.

– Я ее обожаю.

«И ее я тоже теряю. Все, кого я люблю, либо ушли, либо уходят».

Проклятый рассвет не предвещал никаких чудес, только одиночество.

В кухне мама вынимала из духовки свежеиспеченные булочки.

– Это тебе на дорожку до Омахи, – сказала она, не поднимая глаз, и принялась паковать булочки в пластиковый контейнер. – Трэвис! Спускайся сюда. Твоей сестре нужно ехать в аэропорт.

– Я в курсе, – откликнулся Трэвис, размашистым шагом входя в кухню. В июне он закончил старшую школу и с тех пор еще больше вырос, раздался в плечах, возмужал. Меня

это радовало: папе нужна помощь, а мой младший брат больше всего хотел работать на земле и поддерживать ферму на плаву.

– Ты готова, Отем? – спросил Трэвис.

– Думаю, да. Пока, мама, – проговорила я, обнимая мать. – Ты меня еще не простила?

– За что? – Она поджала губы. – Не будем говорить о деньгах, слишком приземленная тема.

В начале лета я перевела на банковский счет родителей тридцать пять тысяч долларов, полученные от Коннора. Привези я домой чек – и, не исключено, моя гордая мать разорвала бы его. Я сама едва его не порвала, но вне зависимости от того, насколько больно было мне, я не могла спокойно смотреть, как страдает моя семья, особенно после того, как здоровье отца оказалось подорвано. Всё лето мама отказывалась говорить на эту тему, но я чувствовала: она испытывает облегчение.

«Наверное, именно так чувствовал себя Уэстон, – думала я, – когда Дрейки купили его матери дом. Облегчение и стыд одновременно».

– Я тебя люблю, – сказала мама. – Поезжай аккуратнее. Слышишь меня, Трэвис? Веди внимательно и туда, и обратно. Вот. – Она протянула мне пластиковый контейнер и замахала на нас руками, выгоняя с кухни. – Отправляйтесь. Кыш-кыш!

Папа проводил нас до видавшего виды пикапа Трэвиса и

уже у самой машины обнял. Я прижалась к его груди и за-
жмурилась.

– Знаю, ты за них боишься, – сказал он.

Я кивнула, уткнувшись щекой в его рубашку.

– Сейчас они находятся в той части мира, где опасно,
рискуют своими жизнями, но не позволяй страху разрушить
твою любовь.

Мою любовь. Я больше не знала, что это такое.

«Точнее, кого именно я люблю».

– Постараюсь не сдаваться, папа, – заверила я его. – Я тебя
люблю.

– И я тебя люблю, солнышко.

Я махала ему из окна и смотрела, как папа становится всё
меньше и меньше. Из пластикового контейнера поднимался
аромат маминых теплых булочек, и я вдруг поняла, куда на-
править свою любовь: на ферму моей семьи и на помощь ей.

В своем гарвардском проекте я сосредоточусь на сельском
хозяйстве. Экономическая справедливость в отношении си-
стем ведения фермерского хозяйства или изучение потенци-
ала возобновляемого биотоплива. Не слишком воодушевля-
ющая тема, но пришла пора оставить личные желания и пе-
реживания – всё равно они не принесли мне ничего, кроме
сердечных мук.

Пока мы ехали по федеральной автостраде из Линкольна
до Омахи, я окончательно утвердилась в этом решении, а зо-
лотистая рассветная дымка превратилась в ясный день.

«Вот то удивительное, что я всегда ждала. Я наконец-то знаю, чем буду заниматься в этой жизни».

Но от этого открытия в моем сердце не возникло ни фейерверков, ни радостного возбуждения. Никакого «дзинь».

Я вздохнула, подперла щеку ладонью, стала смотреть на проплывающий за окном сельский пейзаж и несколько раз мысленно повторила себе, что это правильное решение.

Г.

На парковке перед аэропортом Логан меня встречала Руби – в своем ярко-желтом сарафане она так и светилась. Ее смуглая кожа сияла, как будто за время каникул впитала всю красоту Ямайки.

– Эй, подруга, чего такой унылый вид? – спросила Руби.

– До меня только что дошло, как сильно я буду по тебе скучать, – ответила я.

– Я тоже буду скучать, Отем. – Руби крепко меня обняла, потом открыла багажник своей черной «Акуры». – Но я буду время от времени возвращаться сюда, чтобы навестить родителей. Может быть, на выходные. Вообще-то... – Она запахнула мою сумку в багажник и захлопнула его. – У меня для тебя сюрприз.

– Выкладывай. От тебя я приму всё, что угодно, – заверила я ее, устраиваясь на пассажирском сиденье.

Руби пристегнулась и вырулила с парковки.

– Тебе, подруга, не придется привыкать к новой соседке по квартире.

Я захлопала глазами и повернулась к Руби.

– Серьезно? погоди, что ты имеешь в виду?

– Я рассказала маме с папой о твоей ситуации с застопорившимся проектом, о том, что твой парень сейчас на войне, и о том, что всё это угрожает твоим большим планам. Родители согласились, что необходимость уживаться с новой соседкой окончательно тебя добьет, поэтому выкупили у Амхерста комнату на целый год.

У меня отвалилась челюсть.

– О, боже.

– Здорово, правда?

– Здорово? Я уже представляю, как буду заниматься по вечерам в тишине и покое в своей квартире. В нашей квартире.

Руби ослепительно улыбнулась.

– Подумала, тебе это понравится.

– Я в восторге. Но, Руби...

– Даже не начинай, – перебила меня подруга. – Ни слова о деньгах. К тому же папа рассчитывает, что я в любой момент смогу вернуться в свою комнату, а значит, буду часто их навещать. Так я и поступлю.

– Твои родители так щедры, – проговорила я, ощущая уже знакомую смесь облегчения и стыда.

«Уэстону это чувство хорошо знакомо».

Руби покосилась на меня.

– У тебя опять грустный вид.

Я постаралась придать лицу нейтральное выражение и выкинуть Уэстона из головы.

– Наверное, скучаю по семье.

– Как поживает твой папа?

– Лучше, но еще слаб. Выглядит так, будто постарел лет на десять.

– Мама сильно тебя пилила из-за денег, которые дал Коннор?

– Она не ругалась, но долго молча дулась в своем фирменном стиле. Будь папа здоров, она, скорее всего, отказалась бы принять эти деньги.

– Упрямство – семейная черта Колдуэллов.

Вернувшись в дом на Роудс Драйв, рядом с кампусом Амхерста, я вкатила в квартиру чемодан и обвела взглядом наше жилище.

– И всё это мое, да? – пробормотала я, не в силах скрыть улыбку. Надо же, я буду работать над своим сельскохозяйственным проектом в тишине и покое!

Руби посмотрела на меня и возвела глаза к потолку, потом плюхнулась на диванчик.

– О, боже. Так и вижу череду разухабистых вечеринок, которые ты *не* планируешь закатывать.

Я села рядом с ней.

– Аминь. Знаешь, не далее как сегодня утром я придумала, о чем будет мой гарвардский проект.

Руби выпрямилась.

– Да ты что? Молодец, подруга. И что же ты выбрала?

– Ну, я еще не продумала всех деталей, но, думаю, проект будет посвящен действиям правительства по облегчению налогового бремени фермеров, чтобы они получили возможность инвестировать в возобновляемое биотопливо.

У Руби глаза полезли на лоб.

– Звучит очень... интересно.

Я рассмеялась и пихнула ее локтем в бок.

– Это важно. Для моей семьи и для всех американских фермеров, которые прямо сейчас переживают трудные времена.

– Ну, тогда это и впрямь прекрасно. Удачи тебе.

– А ты тем временем проведешь целый год на Итальянской Ривьере, – сказала я. – Контраст между нашими жизнями довольно сильно бросается в глаза.

– Тебе следует гордиться собой, дорогая. Ты собираешься спасти мир. Я просто не создана для такой высокой цели. – Она похлопала меня по руке. – Я так рада, что ты нашла свое призвание.

– Мое призвание, – пробормотала я, всё еще надеясь, что в голове прозвенит веселый звоночек – знак того, что я на верном пути.

Руби склонила голову набок.

– Ну вот, опять на твоём лице грусть. Ты в последнее время получала весточки от Коннора?

– Прошло уже несколько недель. – Я посмотрела ей в гла-

за. – Мне кажется, всё кончено, Руби... Думаю...

«Думаю, Уэстон рассказал Коннору о том, что случилось в ночь накануне их отправки на фронт».

Боже, да я же не рассказала Руби о том, что целовалась с Уэстоном – и не просто целовалась. Он разорвал на мне платье, а я успела расстегнуть молнию на его брюках.

Я кашлянула. Слова застревали в горле. Всё случившееся было неправильным, и в то же время казалось правильным. Как же мне это объяснить?

Руби подалась вперед.

– Ты думаешь?..

– Думаю, нам с Коннором следует жить дальше. И Уэстону тоже. – Я потеряла подол своего зеленого сарафана – модель из дизайнерской коллекции, я откопала его этим летом на распродаже в Небраске. – Я наконец выбрала тему проекта, а у Коннора и Уэстона сейчас есть дела поважнее. Похоже, всем нам следует идти по жизни дальше, ни на что не отвлекаясь.

Руби надула губы и поглядела на меня с подозрением.

– Ты не согласна? – спросила я. – Или согласна? Мне срочно нужен совет. Папа говорит, что мне не следует сдаваться. Подруга вскинула руки.

– Даже не знаю, что и сказать. Весь последний год ты пыталась понять, что у вас с Коннором за отношения. И, кажется, всё это время ты страдала.

– Так и есть. Возможно, между нами действительно всё

кончено, или мне нужно самой порвать с ним.

При мысли о том, что я потеряю Коннора, мое глупое сердце решительно запротестовало.

– Как я могу с ним порвать, пока он на фронте? – спросила я. – Одному Богу известно, через что им приходится проходить каждый день.

– И всё же он мог бы сказать, что ты для него важна, небось не развалился бы. Как тебе, должно быть, тяжело! – Руби посмотрела на меня. – Ты заслуживаешь лучшего, чем вот такое молчание. Ты же для него не друг по переписке, ты его девушка.

– Знаю, но это вопрос жизни и смерти. – Я подошла к стоявшему у окна столу и открыла свой ноутбук. – Отправлю ему электронное письмо. Напишу, что думаю о нем, что он может ответить мне в любое время или не отвечать вовсе, что мы поговорим, когда окажемся лицом к лицу.

– Справедливо, – заметила Руби. – Но так ты ничего не решишь.

– Пускай, – ответила я, щелкая по значку почты на экране, – но, по крайней мере, так я хоть что-то сделаю. Я...

У меня вырвался полузадушенный взглас. Самое верхнее письмо пришло от Армии Соединенных Штатов, Департамент помощи семьям военнослужащих. Отправлено сегодня днем, менее десяти минут назад.

– О, боже мой...

Сердце так громко заколотилось у меня в груди, что я по-

что не слышала собственных слов.

– Что такое? – встревожилась Руби.

– Иди сюда. Скорее.

Трясущейся рукой я провела по тачпаду и открыла письмо. Руби подошла и положила руки мне на плечи. Дочитав до второй строчки, я услышала какой-то отдаленный крик. Думаю, его издала я сама. Я пошатнулась на стуле, и Руби меня обняла. Мы читали вместе:

Семьям и друзьям 1-го батальона 22-го пехотного полка

13 июня 20—, пехотный полк 1–22 участвовал в столкновении, в результате которого один солдат был убит в бою. Родственники погибшего извещены.

От имени пехотного полка 1–22 выражаю свои соболезнования семье погибшего солдата. Мы проведем торжественную церемонию поминовения, когда будет определено время и место.

Пожалуйста, поминайте в своих молитвах всех членов пехотного полка 1–22, а также всех военнослужащих действующей армии. Благодарим вас за вашу неизменную поддержку.

– Это... – голос Руби сорвался, и она начала снова. – И всё? Это всё, что они написали? Один человек убит в бою, но они не говорят, кто именно?

– Сначала они сообщают семье, – сказала я ничего не выражающим тоном. – Пока одну конкретную семью не известят, все остальные будут пребывать в неведении.

«Вот почему в последнее время от Коннора не было никаких вестей. Потому что он мертв. Коннор мертв. Или Уэстон...»

– О, черт, Руби...

Мы сидели и потрясенно молчали, осмысливая только что прочитанные слова. «Один солдат был убит в бою». Меня охватил невыразимый ужас, мысли путались, я думала то об одном, то о другом своем любимом человеке, сердце ныло и болело – я в равной степени боялась за них обоих. Каждый удар моего сердца звучал как имя. Коннор, Уэстон, Коннор, Уэстон... каждый мой выдох превратился в молитву за одного из них.

За них обоих.

«Я не могу потерять ни одного из них. Боже мой, пожалуйста...»

Тишину разорвал звонок моего телефона, и я едва не упала со стула.

– Господи Иисусе... – воскликнула Руби.

Я встала и на трясущихся ногах, точно зомби, доковыляла до сумочки, которую оставила на диване.

– Это мама Коннора. – Медленно, как ядовитую змею, я приложила телефон к уху. – Здравствуйте, миссис Дрейк.

– Здравствуй, милая, – сказала Виктория Дрейк напря-

женным голосом. – У меня есть новости.

Глава вторая

Отем

Самолет приземлился в Балтиморе, и мы с Руби взяли напрокат машину.

Рядовой первого класса Сэмюэл Брэдбери.

«Наверное, для родных и друзей он был просто Сэм».

Сейчас его семья и друзья страдают, их объединила скорбь по их погибшему солдату.

«На их месте могли бы оказаться мы», – подумала я, пока мы стояли у стойки регистрации. Прямо сейчас Виктория Дрейк могла бы организовывать похороны. Безутешная Миранда Тёрнер могла бы сейчас лежать на полу, оплакивая своего сына.

Прямо сейчас я могла бы окаменеть от горя, а не болтаться между грустью и облегчением.

«Сэм Брэдбери».

Не рядовой первого класса Коннор Дрейк.

Не ефрейтор Уэстон Тёрнер.

По телефону миссис Дрейк рассказала мне всё, что знала. Боестолкновение случилось несколько недель назад, но из-за секретного характера того задания армия никого не проинформировала, пока военнослужащие не покинули зону боевых действий и не прибыли в Германию, в Ландштульский региональный медицинский центр. Там раздробленный

локоть Коннора сложили заново, его лечили от сотрясения мозга, с тем чтобы потом перевезти в Медицинский центр имени Уолтера Рида. Это произошло вчера.

А вот Уэстон...

Уэстон получил четыре пули, ему уже сделали две операции: одну на спине, другую на бедре. В ходе третьей операции ему удалили пулю, засевшую в желчном пузыре, но начала развиваться инфекция, и врачи были вынуждены ввести Уэстона в искусственную кому. Сейчас его готовили к переправке в Медицинский центр имени Уолтера Рида, назначенной на завтра.

– Диагноз пока неясен, – сказала миссис Дрейк. – Но теперь он более стабилен. Доктора сообщили Миранде, что какое-то время Уэс находился между жизнью и смертью

Жизнь и смерть. Каждый солдат проходит по этой грани. Коннор и Уэстон выплыли, перевалили в сторону жизни, а Сэм Брэдбери упал на другую сторону.

– Слушай, – обратилась ко мне Руби, слегка похлопывая меня по руке. – Они поправятся. Если бы они не шли на поправку, их не стали бы увозить из Германии.

– Я постоянно говорю себе это, но мне всё равно страшно.

– Мне тоже.

Я входила в Медицинский центр имени Уолтера Рида с тяжелым сердцем, с каждым шагом страх пульсировал в моей душе, пульс всё учащался. Когда мы вошли в лифт, Руби взяла меня за руку. Я с благодарностью пожала ее пальцы и

уже не отпускала.

Коннор занимал отдельную палату на пятом этаже. В небольшой комнате ожидания расположилась сенатор Виктория Дрейк, выглядевшая безупречно в своем бежевом брючном костюме: она то говорила по телефону, то отдавала какие-то распоряжения команде своих помощников. Неподалеку расхаживал туда-сюда мистер Дрейк; вид у него был мрачный. Увидев меня, миссис Дрейк сказала в трубку:

– Я вам перезвоню.

Она быстро зашагала к нам, протягивая руки, и обняла нас обеих.

– Отем. Руби. Как я рада вас видеть.

– Как он? – спросила я.

К нам подошел мистер Дрейк.

– С ним всё отлично, – заявил он. Казалось, он хочет, чтобы эти слова стали правдой, и сам себе не верит. – Его сейчас осматривают, чтобы решить, назначать ли лечебную гимнастику, дабы он как можно скорее вернул прежнюю форму и мог снова отправиться в бой.

У меня округлились глаза.

– Коннора снова призовут в армию?

– Не думаю, – сказала миссис Дрейк. – На прошлой неделе немецкие врачи, оценив состояние Коннора, отправили его сюда, а значит, в ближайшее время он не вернется в свой полк. Слава богу.

– Его рука сильно пострадала? – спросила я.

– Локоть соединили титановыми штифтами, но врачи настроены оптимистично, полагают, что рука полностью восстановится. Их больше беспокоят травмы головы.

Мистер Дрейк разгладил лацканы своего пиджака.

– Его мучают головные боли и провалы в памяти. Тревожность и другие признаки... психического расстройства.

Он процедил это сквозь зубы и поморщился, как будто слова имели неприятный привкус.

– Посттравматический синдром? – спросила я.

– Я не врач! – рявкнул мистер Дрейк.

Виктория коснулась его руки.

– Скорее всего, так и есть.

– Он побывал в опасной ситуации и теперь приходит в себя, – проговорил мистер Дрейк. От прикосновения жены он едва не вздрогнул. – Любой другой на его месте стремился бы выбраться из зоны военных действий и попасть домой. – Тут у него зазвонил телефон, и он, резко бросив нам «извините», отошел в сторону, чтобы ответить.

– А Коннор хочет вернуться? – тихо спросила я.

Миссис Дрейк со вздохом кивнула.

– Врачи говорят, что солдаты, получившие травму на поле боя, часто испытывают острую потребность вернуться в свой полк. Они ведь бросили своих товарищей.

– Вина выжившего, – подсказала Руби.

– Да, именно. – На лице миссис Дрейк попеременно отражались облегчение и тревога, она понизила голос. – Коннор

отчаянно хочет вернуться на фронт, но доктора говорят, что его, скорее всего, уволят с положительной характеристикой.

Я выдохнула, чувствуя огромное облегчение, но потом грудь снова сдавила тревога.

– Как Уэстон?

Губы миссис Дрейк сжались в суровую линию, она отвела взгляд.

– Его рейс прибывает завтра утром. Потом врачи определят, безопасно ли сейчас выводить его из комы или нет.

– Его ранили в спину?..

Мать Коннора подняла руку, призывая меня замолчать.

– Еще слишком рано говорить о том, что предстоит Уэсу, к тому же я не ближайший его родственник. – Она выпалила это резко, почти рывкнула на меня, но потом принужденно улыбнулась и кивнула на закрытую дверь палаты Коннора. – Все мое время. После осмотра Коннор наверняка захочет тебя увидеть.

– Конечно. Я тоже хочу его увидеть.

«Господи, как же сильно я этого хочу». Все неопределенность и сомнения, терзавшие меня с тех пор, как ребята отправились на фронт, померкли в преддверии скорого свидания. Мои мужчины живы, оба – только это имеет значение.

– Прошу меня простить.

С этими словами миссис Дрейк снова взялась за телефон и вернулась к группе своих подчиненных, сбившихся в кучу в углу комнаты ожидания.

Руби присела на один из диванчиков.

– Отец Коннора говорил так, будто давал пресс-конференцию, – тихо произнесла она. – Как будто психическое состояние Коннора – это нечто скандальное.

– Просто еще один пример того, как Дрейки воспитывают своих детей, – пробормотала я, плюхаясь на диванчик рядом с ней. – Всё, что делает Коннор, плохо по определению, даже если он ранен на поле боя.

Я положила голову на плечо подруги.

– Всё будет хорошо, – заверила она меня и потерлась виском о мои волосы. – Просто дыши.

Дверь палаты Коннора открылась, и оттуда вышли двое врачей в сопровождении какого-то офицера – все трое мрачнее тучи. Мистер и миссис Дрейк поспешили к ним. Я наострила уши, но из-за больничного шума и гама сумела разобрать только отдельные фразы.

– Оба осмотра указывают на посттравматический синдром...

– Доктор Лэндж в Германии тоже советовал...

– ...Рекомендуется почетная отставка.

Мы с Руби переглянулись и разом ссутулились от облегчения. Доктора еще немного посовещались, затем Дрейки о чем-то поговорили напряженным шепотом, после чего мистер Дрейк строевым шагом удалился, по его лицу невозможно было ничего прочесть.

Мы с Руби встали и подошли к сенатору.

– Отем, теперь ты можешь его увидеть, – проговорила та рассеянным тоном.

Руби тронула ее за плечо.

– Виктория, не хотите выпить вместе со мной кофе? Может, мы с вами перекусим, пока Отем навещает Коннора?

– Да, – со вздохом ответила миссис Дрейк. – Было бы здорово.

Руби ободряюще мне улыбнулась, и они с миссис Дрейк пошли в сторону кафетерия. Я сделала глубокий вдох, пытаясь выровнять дыхание, и постучала в приоткрытую дверь палаты.

– Войдите, – раздался изнутри голос Коннора.

В палате пахло цветами и дезинфицирующим средством. Коннор сидел на краю кровати, одетый в свои собственные пижамные штаны и белую футболку с V-образным вырезом. Его левая рука была заключена в сложную конструкцию из темного пластика, бинтов и петель. Но поразило меня не это зрелище, а его лицо, поглядев на которое, я не бросилась к Коннору, а замерла на пороге, чувствуя, как сжимается сердце. Коннор был небрит и выглядел неряшливо, под зелеными глазами залегли огромные темные круги. Его ослепительная улыбка, которую я так любила, исчезла без следа.

Он был жив, рядом со мной, но его лицо осунулось, а улыбка умерла.

«Его улыбку украла война».

Мгновение он смотрел на меня во все глаза, и в его взгляде

де читалось смущение пополам с недоверием.

Он как будто не мог поверить своим органам чувств, словно эта больничная палата и всё случившееся с ним – просто сон.

– Коннор?

Он поднял голову, в его глазах промелькнула искорка, губы слегка дрогнули. Еле заметная улыбка – и всё же я ее увидела.

– Привет, малышка, – сказал он. В его голосе скрипел песок пустыни. – Иди сюда. Господи. Пожалуйста, иди сюда.

Он встал, и я бросилась к нему. Он обнял меня правой рукой, так крепко, что едва не раздавил. Я прижалась лицом к его груди и вдохнула его запах, постаралась вобрать его всеми легкими. Я обхватила его обеими руками, ощутила под ладонями ткань его футболки, его широкую спину, теплую кожу, крепкие мускулы; все эти ощущения убедили мой искадавшийся разум, что Коннор действительно жив.

– Малышка, – тихо проговорил он.

Он повторял это снова и снова, я же вовсе не могла говорить, только цеплялась за него и думала: «Ты здесь. Со мной. Ты вернулся».

– Дай посмотреть на тебя, – попросил он.

Я отстранилась и сжала его лицо в ладонях. Он сильно загорел, только кожа вокруг глаз была светлее – из-за защитного шлема.

– Как ты?

Коннор коротко дернул головой – не то кивнул, не то пожал плечами.

– Мне лучше, чем им кажется. Голова временами болит, и случаются провалы в памяти, но это же нормально, учитывая, что меня накрыло взрывом, да? – Выражение его лица стало умоляющим. – Они меня не слушают. Говорят, я не могу вернуться.

Я кивнула и с трудом сглотнула.

– Знаю.

«Слава богу».

Плечи Коннора поникли, он тяжело выдохнул, но потом резко выпрямился.

– Ты ее получила?

– Что получила?

– Я кое-что тебе отправил. Тетрадь.

– Правда? Боже, Коннор, от тебя так давно не было вестей, а ты, оказывается...

– Ты ее получила или нет?

Я вздохнула. Выражение его лица смягчилось, потом в глазах появилось сожаление. Прежде мне не доводилось сталкиваться с посттравматическим синдромом, но невооруженным глазом было видно, что Коннор не контролирует свои быстро изменяющиеся эмоции. Его бросало из радости в тревогу, поэтому я постаралась говорить как можно мягче и спокойнее, чтобы моя уверенность передалась ему.

– Нет, я не получала никакой тетради. Возможно, почта

работает с перебоями, а может быть, твое отправление вообще затерялось. Но это нестрашно. – Я снова его обняла. – Всё хорошо, Коннор. Я так рада, что ты вернулся...

Коннор вдруг замер, а потом бережно отвел мои руки.

– Ты не получила посылку?

– Нет, Коннор, не получила.

Я присела на край его больничной кровати, а он начал медленно расхаживать туда-сюда, то и дело проводя пятерней по волосам.

– Ты уверена?

– Уверена, – мягко подтвердила я. – Когда ты ее отправил?

Он остановился, двумя пальцами ущипнул себя за переносицу, болезненно поморщился.

– Сразу после... после взрыва. Кажется. Не могу... не помню. Черт. Она потеряна. Проклятие, я ее потерял. Ничего не могу нормально сделать, ничегошеньки.

– Эй, – сказала я, вставая. – Всё хорошо. Иди сюда. Давай присядь. Не пытайся сразу осмыслить всё происходящее. Ты еще нездоров. Не будь так требователен к себе, хорошо?

Коннор присел на корточки и повесил голову. Я погладила его по спине, и спустя мгновение он поднял на меня глаза – в них стояли слезы.

– Я сделал кое-что плохое, – хрипло проговорил он.

– Что?.. – Я покачала головой. – Нет. Война... ужасна. Ты оказался в страшной ситуации, происходили чудовищные вещи. Тебе не нужно ничего объяснять.

– Не там. Здесь. Я плохо поступил с тобой.

Я выпрямилась.

– Что ты имеешь в виду?

– И с Уэсом. – Широкая спина Коннора ходила ходуном, как кузнечные мехи, он говорил с трудом. – Я разрушил его жизнь. Если он вообще жив. Я разрушил его...

Он затрясся от рыданий и закрыл лицо здоровой рукой. Я хотела его обнять, но его содрогающееся тело было слишком большим и мощным. С таким же успехом можно было пытаться удержать потрескавшийся валун, который вот-вот разлетится на куски.

– Это не твоя вина, Коннор, – сказала я. – Нет, нет, ты не виноват. Уэстон вступил в армию...

– Потому что это сделал я, – выдохнул он между всхлипами. – Он записался, потому что это сделал я. – Он вытер мокрые щеки о плечо, обтянутое футболкой. – Мне нужно выбраться отсюда.

Он бросился к двери и сделал два шага по коридору, но там его перехватили медсестры и отвели обратно. Следом в палату вошли миссис Дрейк и Руби, в руках у них были пакеты из «Старбакса».

– Мне нужно выбраться отсюда, черт возьми, – твердил Коннор, расхаживая по палате. – Мне нужно обратно в мой взвод. Я нужен ребятам. Не могу быть здесь, когда Уэс... когда он... – Он схватился за голову. – Черт, проклятая головная боль!

– Спокойнее, – сказала одна из медсестер, ведя Коннора обратно к кровати. – Еще денек отдохнете, а мы проведем еще несколько тестов. Говорят, вас завтра выпишут.

Я отошла в сторонку, чтобы не мешать медсестре, пока та укладывала Коннора в постель. Он закрыл лицо здоровой рукой.

– И Уэс завтра будет здесь, – сказала миссис Дрейк. – Мы его наконец-то увидим. Как славно, правда?

– Славно? – Коннор приглушенно хохотнул. – Да я лучше окажусь где угодно, только не здесь. Да хоть в Сирии, черт возьми.

– Ты же не хочешь сказать...

Сенатор умолкла на полуслове: ее сын уснул, мгновенно, как будто его выключили.

– Что только что случилось? – спросила я.

– Так бывает, – ответила медсестра. – Солдаты, побывавшие в бою, могут засыпать очень быстро, в любое время, в любом месте. Давайте дадим ему отдохнуть. – Она жестом указала нам на дверь. – Кстати говоря, сенатор, с вами хочет поговорить доктор Майс.

Лечащий врач – темноволосый коротышка – встретил нас в комнате ожидания, и миссис Дрейк набросилась на него.

– Скажите мне правду! – потребовала она. – Насколько сильно поврежден его мозг?

– От удара образовалась серьезная гематома, – терпеливо проговорил доктор Майс. – Она значительно уменьши-

лась во время лечения в Германии, так что теперь пациенту можно лететь домой. Головные боли еще будут, но со временем сойдут на нет. Тревожность и эмоциональная нестабильность могут быть следствием травмы, но, скорее всего, они проистекают из посттравматического синдрома – мы с вами уже это обсуждали.

– А что насчет провалов в памяти? Вечером он не помнит даже о том, что было утром. А сейчас он уснул ни с того ни с сего. Мне всё равно, как это называется в ваших врачебных терминах. Он просто вырубился.

– Сенатор Дрейк, – сказал доктор. – Я работаю в Медицинском центре имени Уолтера Рида уже сорок лет, и через мои руки прошли тысячи солдат. Я могу распознать посттравматический синдром, и, уверен, неврологическое исследование это подтвердит.

Миссис Дрейк прикусила губу, в ее взгляде мелькнула неуверенность, и доктор Майс положил руку ей на плечо.

– Взгляните на ситуацию с другой стороны, – предложил он. – Рука вашего сына была повреждена, и мы восстановили ее благодаря хирургии, стальным штырям и скобам. Это боевая рана. Точно так же вам следует относиться и к его эмоциональной травме. Понимаете?

– Да. – Миссис Дрейк кивнула и выпрямилась. – Да, понимаю. Просто я очень волнуюсь.

– Ну, разумеется, а как же иначе?

– Мой муж... Не думаю, что он смотрит на эмоциональ-

ную травму с вашей точки зрения.

– Посттравматический синдром – это такое же ранение, требующее определенного лечения, в этом нет ничего постыдного и предосудительного, не более чем в огнестрельном ранении. Необходимо, чтобы мистер Дрейк это понял.

Миссис Дрейк кивнула, и я увидела, как она снова натягивает бесстрастную маску сенатора Дрейк.

– Он поймет, я об этом позабочусь. В чем бы Коннор ни нуждался, он это получит. Лучший уход. Об этом я тоже позабочусь.

– Я в этом не сомневаюсь.

Доктор напоследок улыбнулся и, извинившись, ушел.

– Мне нужно прилечь, – заявила миссис Дрейк. – Я забронировала комнаты в отеле Шератон, это на другой стороне улицы. Вы, девочки, просто назовите мое имя. Там всё оплачено.

– Спасибо, миссис Дрейк, – поблагодарила я.

– Я пойду с вами, – предложила Руби, потом посмотрела на меня. – Или, хочешь, я останусь с тобой?

– Нет, иди, – отказалась я. – Я еще немного здесь посижу, сделаю пару звонков.

«К тому же мне нужно побыть одной».

Руби поцеловала меня в щеку.

– Не задерживайся слишком долго. Выглядишь измотанной.

Сенатор скованно обняла меня одной рукой.

– Спокойной ночи, Отем.

Мне нужно было сделать всего один звонок Эдмону де Гишу, моему начальнику, владельцу кафе-пекарни, в которой я работала уже четыре года. Было уже поздно, пекарня уже закрылась, и мой звонок переключился на голосовую почту. Я прослушала одну из любимых арий Эдмона, потом раздался гудок. Я оставила сообщение, предупредив шефа, что задержусь на несколько дней.

Мне хотелось вернуться в палату Коннора, свернуться у него под боком на кровати и сказать ему, что всё будет хорошо, что нет ничего страшного в том, чтобы немного расклеиться. Я хотела сказать, что он всё сделал правильно, что в случившемся нет его вины – все те слова, которые полагалось произнести его родителям. Но пойти туда и говорить всё это было бы неправильно.

«Я сделал кое-что плохое».

– И я тоже, – пробормотала я.

Нужно признаться, рассказать Коннору о том, что произошло между мной и Уэстоном.

Между нами тремя больше не должно быть никаких секретов. Вот только я не могла заставить себя вернуться в палату Коннора. Вместо этого я села в кресло в комнате ожидания и уснула.

Мне показалось, прошло всего пара минут, и вот уже меня осторожно трясут за плечо. Я открыла глаза, заморгала: в окна лился утренний солнечный свет. Надо мной стояла Руби.

– Привет, – сказала она, присаживаясь на корточки рядом с моим креслом. – Уэс здесь.

Глава третья

Отем

Социальным работником, приставленным к Уэстону, оказалась светловолосая молодая женщина с приятным голосом по имени Эллен. Она провела Дрейков, Руби и меня в отделение интенсивной терапии; последним шел Коннор – вид у него был, как у человека, которого сейчас казнят на электрическом стуле.

– В данный момент Уэса размещают в палате интенсивной терапии, – говорила Эллен, указывая на зал ожидания, за которым находилась пара двойных дверей. – Доктора говорят, что он находится в стабильном состоянии, и все жизненные показатели в норме. Врачи надеются, что завтра его уже можно будет вывести из комы.

– Большое вам спасибо, – сказала миссис Дрейк. Она посмотрела на сына – Коннор сел в стороне от всех, ссутулился и низко опустил голову. Его левая рука покоилась на колене, правой рукой он закрывал глаза. Вся его поза так и кричала: оставьте меня в покое. Каждая линия его тела ясно говорила, что Коннор сейчас предпочел бы оказаться подальше отсюда.

Удушающее чувство вины нависло над нами, медленно высасывая из окружающего пространства кислород, удушая Коннора, меня, миссис Дрейк – сегодня муж оставил ее раз-

бираться с кризисом в одиночку. Только Руби, единственный человек с чистой совестью из всей компании, могла свободно дышать.

– Опять ожидание. Да сколько же можно. Ничего не отвечают, только и слышишь что «пожалуйста, подождите». Как же надоело ждать!

В зал ожидания влетела мать Уэстона.

Миранда Тёрнер была одета в обтягивающие джинсы и фиолетовый с белым (цвета Амхерста) свитшот. Ни макияжа, ни украшений, волосы собраны в неряшливый хвостик. Пол Уинфилд, с которым она встречалась уже без малого год, обнимал ее за плечи.

– Здравствуй, Миранда, – сказала миссис Дрейк, поднимаясь на ноги.

Мать Уэстона ударилась в слезы.

– О, Виктория! – рыдала она, крепко обнимая сенатора. – Что они сделали с моим мальчиком?

– Знаю, это тяжело. Постарайся успокоиться, – проговорила миссис Дрейк. Она отстранилась и теперь удерживала Миранду за плечи. – Нам нужно быть сильными ради Уэса.

Миранда заметила Коннора, и ее лицо вновь исказилось.

– О, дорогой. – Она обняла его, стараясь не задеть раненую руку, потом сжала лицо Коннора ладонями. – Только посмотри на себя. Что сделали с моими мальчиками? Твоя улыбка исчезла, мой Уэс весь изрешечен пулями, и мне ничего не говорят.

На скулах Коннора заходили желваки, он высвободился из объятий Миранды, но та была слишком поглощена своим горем и не заметила его реакции. Она принялась расхаживать туда-сюда по маленькому помещению.

– Мы все стараемся сохранять спокойствие, помнишь? – обратился к ней Пол. Он протянул руку Коннору. – Рад, что ты вернулся, солдат. И благодарю за службу.

Коннор сел немного ровнее, на его лице промелькнуло нечто вроде гордости.

– Спасибо, – хрипло сказал он, пожимая Полу руку. Он заговорил впервые с тех пор, как покинул свою палату, и я прониклась горячей благодарностью к Полу.

Я подошла к Миранде.

– Здравствуйте, миссис Тёрнер. – Мне так жаль.

– О, милая, мне тоже жаль, – воскликнула она, заключая меня в объятия. – Привет, Руби, – поприветствовала она мою подругу поверх моего плеча. – Что за бардак. Мой бедный малыш. В Германии он уже перенес три операции. Три. А потом они взяли и ввели его в кому?

– Ради его же безопасности, Миранда, – напомнил Пол. – Чтобы он оставался стабилен.

– Ну, и где же он? Что вообще происходит?

– Его размещают в отделении интенсивной терапии, – сказала миссис Дрейк. – Скоро мы сможем его увидеть.

– Они только это и твердят и больше ничего. – Миранда повернулась к Коннору и слезливым голосом запричитала: –

Что там произошло?

Миссис Дрейк вклинилась между сыном и Мирандой.

– Думаю, будет лучше, если сейчас мы все поддержим Уэса, – сказала она. – Коннору известно не больше твоего.

– Он был вместе с Уэсом на поле боя, – возразила Миранда. – Они вместе проходили лечение в Германии. Что произошло, дорогой?

В ее голосе не было и намека на обвинение, но от каждого ее слова Коннор вздрагивал. Его перекошенное от ужаса лицо еще сильнее исказилось от боли, взгляд стал отсутствующим.

– Разорвалась граната, – пробормотал он. – Я не успел добраться до маленького мальчика, не смог его спасти. Уэс побежал за мной и заслонил меня. Это моя вина...

– Довольно, – резко сказала миссис Дрейк. Она метнула гневный взгляд на Миранду, но губы у нее дрожали.

У Миранды округлились глаза, она сделала шаг назад.

– Хорошо, хорошо, ты права. Сейчас не время. Мне просто страшно, понимаешь? Я так напугана...

Она ударилась в слезы. Пол обнял ее и усадил на стул.

– Я понимаю, ты напугана, – ответила миссис Дрейк со вздохом, потом села и закинула ногу на ногу. – Мы скоро его увидим, и доктора ответят на все твои вопросы.

– Они уже много дней кормят меня подобными обещаниями, – пробормотала Миранда.

Тут в комнату вернулась Эллен.

– Осталось недолго, – объявила она.

– Насколько недолго? – поинтересовался Пол.

– Около часа. – Она оглядела собравшихся, и взгляд ее задержался на Конноре. – Кому-нибудь чего-нибудь принести? Воды или кофе?

Миссис Дрейк привстала.

– Коннор, дорогой?

Но молодой человек опять ссутулился, сидел, опершись локтями о колени и закрыв лицо руками.

Миссис Дрейк снова села.

– Нет, спасибо, Эллен.

Я подумала, что в больницах время идет не так, как в реальном мире. Один час тянулся, как три, но вот наконец к нам вышел высокий – под два метра, не меньше – врач: лет тридцати, с добрым лицом и светло-каштановыми волосами. Он непринужденно улыбался, но взгляд у него был острый, цепкий и умный.

– Здравствуйте, я доктор Ковальчик, – представился он. – Ефрейтор Тёрнер размещен в палате интенсивной терапии. Можете звать меня доктор Кей. – Он посмотрел на Пола и Миранду. – Вы его родители?

– Я – Миранда, его мама, – ответила Миранда. – Пол мой бойфренд, хотя по-хорошему лучше бы отцом Уэса был он, а не гнусный трус, которого мальчик получил взамен.

Под воздействием дружелюбия доктора Кея ее слова прозвучали не так горько, как обычно, гнев слегка поубавился.

Я не представляла, как человек может излучать столько умиротворения и уверенности, однако Миранда моментально успокоилась, да и мне стало легче на душе. По крайней мере, Уэстона будет наблюдать хороший врач.

Доктор Кей присел на стул рядом с Мирандой и сложил руки на коленях.

– Я знаю, на вас обрушилось нешуточное потрясение, – сказал он, – не говоря уже о том, что вы долго пребывали в неведении. Но ефрейтор Тёрнер...

– Уэс, – перебила Миранда. – Можете называть его Уэсом.

– Хорошо, – не стал спорить доктор Кей. – Жизненные показатели Уэса внушают оптимизм, и если на протяжении ночи он останется в таком же стабильном состоянии и не преподнесет нам сюрпризов, завтра утром мы выведем его из искусственной комы. Как только он придет в сознание, мы сможем провести ряд тестов, дабы определить масштаб и серьезность его ранений. Договорились?

– Его спина, – проговорила Миранда. – Его ранили в спину. Сказали, одна из прошедших в Германии операций была на его позвоночнике...

Окончание ее боязливого вопроса повисло в воздухе, подобно черному облаку.

Доктор Кей сложил ладони «домиком».

– Это верно. Команда медиков Ландштульского центра удалила пулю, засевшую в третьем позвонке поясничного отдела позвоночника. Пуля сдавила спинной мозг, но не разо-

рвала его. Однако из-за отека и трещины в позвонке можно с уверенностью сказать, что ранение серьезное. Но окончательный диагноз мы пока не знаем.

«Повреждение спинного мозга» – эти слова раскаленной иглой вонзились мне в сердце, и у меня перед глазами возникла картина: Уэстон, согнувшись, замер перед стартовой чертой. Прогремел выстрел, но вместо того чтобы сорваться с места, Уэстон упал...

Я поежилась. «Боже мой, Уэстон...»

– Поясничный отдел позвоночника? – переспросил Пол. – То есть нижняя часть спины?

Доктор Кей кивнул.

– Верно. – Он указал на свою спину, чуть выше талии. – Но, как я уже сказал, мы не можем определить, насколько сильно поврежден позвоночник, пока не проведем дополнительные обследования, а для этого Уэс должен быть в сознании. Прямо сейчас наша задача – вывести его из комы без вреда для Уэса. Уверен, вам всем не терпится его увидеть.

– Да, благодарю вас, доктор, – воскликнула Миранда. – Я просто истосковалась.

Доктор Кей похлопал ее по плечу и повернулся к нам.

– Вы все – члены семьи?

– Они как семья, – ответила Миранда. – Все они.

– К нему можно зайти ненадолго, и нужно вести себя тихо, но вы все сможете его увидеть через несколько минут. Он всё еще спит под воздействием лекарств, поэтому не ждите,

что он сможет с вами побеседовать. Ну что же, идем?

Следом за доктором Кеем мы вошли в двойные двери и зашагали по коридору отделения интенсивной терапии. Я старалась ни о чем не думать, точнее, отказывалась думать о том, что сказал нам доктор Кей. Я поклялась не паниковать и не поддаваться страху, хотя меня ужасала мысль о поврежденном позвоночнике Уэстона.

Стены в отделении интенсивной терапии были украшены американскими флагами и большими, вставленными в рамки фотографиями военных. Сотрудники клиники сновали туда-сюда. Звонили телефоны. Мы проходили мимо палат, в которых лежали подключенные к каким-то аппаратам пациенты: над ними склонялись врачи и медсестры, а рядом сидели члены семей.

Здесь повсюду витало то же ощущение, что и в Небраске: как будто я пересекла черту между жизнью и смертью, только на этот раз ставки были еще выше, и я не могла отделаться от мысли, что работающие здесь доктора и медсестры так же отважны, как сами солдаты.

Доктор Кей остановился возле палаты номер 220.

– Помните, ведем себя спокойно и тихо, – напомнил он и шагнул в сторону, пропуская нас.

Руби подалась назад и взяла меня за руку.

– Я буду здесь, ладно? Иди, повидай его. Если тебе понадобится моральная поддержка, я рядом.

Я кивнула.

– Да, хорошо. Спасибо, Руби.

Изголовье кровати находилось ближе к двери, так что Уэстон лежал ногами к окну. Слева от него стояло несколько капельниц. Вдыхал и пищал аппарат искусственной вентиляции легких. Монитор на стене отображал бегущие то вверх, то вниз разноцветные линии: пульс, кровяное давление и еще какие-то неизвестные мне показатели.

Миранда прижала пальцы к губам.

– О, мой малыш, – прошептала она, не отнимая руку от рта. – Мой милый малыш...

У меня участился пульс, а руки сами собой сжались в кулаки.

«Миранда, Богом клянусь... Заткнись, а не то я завизжу».

Пол приобнял Миранду за плечи и провел вглубь палаты, мимо стоящих возле кровати аппаратов, чтобы мы тоже могли зайти внутрь. Коннор едва глянул на Уэстона, потом быстро прошел к окну и сел на широкий, низкий подоконник, обитый тканью.

Я стояла рядом с миссис Дрейк, ее губы плотно сжались, когда она посмотрела на Уэстона.

– Кажется, он выглядит хорошо, – сказала миссис Дрейк. – Он держался всё это время...

Она осеклась и отвернулась.

Я не могла отвести взгляд. Стоило мне посмотреть на Уэстона, и все клятвы не падать духом оказались позабыты. Верхняя половина его кровати была чуть-чуть приподнята,

он лежал бледный и изнуренный, укрытый простынями. Его светлые волосы стали тусклыми и ломкими. От обеих рук и от живота тянулись трубки. Эндотрахеальную трубку прикрепили к лицу специальным медицинским скотчем, и казалось, что его рот открыт в немом крике. Глаза Уэстона, его прекрасные глаза цвета океана, были закрыты. Он лежал совершенно неподвижно, только грудь поднималась и опускалась благодаря аппарату искусственной вентиляции легких.

Я сделала глубокий вдох, прикоснулась к его руке и тихо прошептала:

– Привет, Уэстон.

Я старалась говорить мягко. Потом села в небольшое кресло, стоявшее возле кровати.

В маленькой палате повисла тишина, никто не решался заговорить, наверное, потому, что нам было нечего сказать. Миранда плакала на плече у Пола. Коннор смотрел в окно.

– Нужно дать ему отдохнуть, – в конце концов произнесла миссис Дрейк. – Да и нам самим нужно поспать. Завтра большой день.

Миранда наклонилась и поцеловала сына в щеку.

– Ты поправишься, малыш. Обязательно. Ты обязан выздороветь.

Они с Полом медленно побрели к двери. Миссис Дрейк повернулась, чтобы последовать за ними, потом посмотрела на меня и спросила:

– Ты идешь, дорогая?

– Через минутку, – ответила я. Мне вдруг стала невыносима мысль о том, чтобы оставить Уэстона лежать здесь одного.

– Коннор?

Коннор медленно повернул голову, посмотрел на мать, потом наконец на Уэстона.

– Я еще посижу здесь.

Дверь тихо закрылась, и мы остались втроем. Потом Коннор добавил:

– Я должен попрощаться.

Глава четвертая

Отем

Я резко вскинула голову.

– Что?

Коннор не сводил мрачного взгляда с Уэстона.

– Это я с ним сделал. – Он покачал головой. – Уэс здесь из-за меня.

– Коннор, это не твоя вина.

– Он вступил в армию из-за меня, чтобы меня защитить – и посмотри, к чему это привело. Он побежал за мной, когда я пытался спасти ребенка. Уэс видел, что уже слишком поздно, что того малыша не спасти. И я это знал, но мне нужно было стать кем-то. «Продемонстрировать ответственность». Брэдбери погиб, я не успел его спасти, поэтому попытался спасти того ребенка.

В глазах у него заблестели слезы, он отвернулся к окну и правой рукой стал машинально водить по массивной конструкции, охватывающей его левый локоть.

– Дело было безнадежное, но я не остановился. Я продолжал бежать, и Уэс побежал за мной. Боже, этот парень умел бегать. И он успел. Он был в полном снаряжении весом под сотню фунтов, я стартовал на пять секунд раньше его, а он всё равно меня догнал. И тот мальчик умер, потому что был обречен с самого начала. Было уже поздно его спасать, но

Уэс спас меня. Он заслонил меня от взрыва, мать его, прикрыл меня собой, и все осколки достались ему. Вот почему я сейчас стою здесь, а он лежит там...

Он умолк, согнулся пополам, его плечи сотрясались от рыданий. У меня перед глазами всё поплыло от подступивших слез, я встала и обняла Коннора.

– Мне жаль, – пробормотала я, уткнувшись лицом ему в макушку. – Мне так жаль.

– Жаль? – не то прорыдал, не то огрызнулся Коннор.

– Жаль, что на твою долю выпали такие испытания...

– Мои испытания – ничто. Ты ничего не понимаешь, Отем. Черт возьми. Я ведь был там. На земле в Сирии, а потом в больнице в Германии. Я видел, что с ним сделали. Я видел, как его бедро развалилось чуть ли не пополам, как из него текла кровь. Я видел пулевые отверстия на его спине, знаю, сколько их было. Знаю, доктор Кей не говорит о том, насколько серьезно ранение Уэса, но он никогда не будет ходить, это как пить дать.

У меня в ушах зашумела кровь, я попятилась от окна. Мои ноги наткнулись на стоявший у кровати стул, и я плюхнулась на него. Ледяной ком в груди мгновенно разросся, мороз побежал по коже, дыхание перехватило. Я даже не могла моргнуть, из-за всплывшего в памяти видения: Уэстон бежит.

«Боже, этот парень умел бегать».

Он бежал, перепрыгивая через препятствия, он делал всего семь шагов, в то время как остальные бегуны делали во-

семь. Он прыгал с кошачьей грацией: одна нога взлетала вверх, другой Уэстон отталкивался от земли. Под бронзовой кожей перекачивались и растягивались мускулы. Вот Уэстон вырывается вперед в эстафете. Никто не мог с ним тягаться, потому что он был слишком быстрым, быстрее всех.

«Он был в полном снаряжении весом под сотню фунтов, я стартовал на пять секунд раньше его, а он всё равно меня догнал».

– Нет, – прошептала я, накрывая руку Уэстона своей. Все его сила, мощь и скорость исчезли, его пальцы стали вялыми и безжизненными. Я крепко сжала его ладонь и покачала головой. – Нет, не говори так, Коннор. Мы еще не знаем...

– Я знаю, – возразил Коннор хриплым голосом. – Знаю. Я слышал, что говорили немецкие врачи. Уэс не встанет с этой кровати, никогда не сможет стоять и ходить, больше никогда не примет участия ни в одном забеге. Никогда...

Я всё качала головой.

– Нет. Ты этого не знаешь. Его ввели в кому, чтобы стабилизировать. Доктора еще будут делать тесты, еще ничего не кончено. Они ничего не могут сказать наверняка, пока он не очнется.

– Я знаю, что слышал и что видел. Видел, что случилось по моей вине. – Коннор уронил голову на грудь. – С Уэсом покончено, Отем. – С ним всё кончено, черт побери.

– Не говори так! – воскликнула я, крепче сжимая руку Уэстона. – Ничего еще не кончено. Что бы ни случилось в

будущем, он поправится.

– Ну а со мной покончено. Всё, привет. – Коннор встал, тыльной стороной ладони вытер один глаз, потом второй. – И с нами всё кончено.

Чувство вины пронизало меня, как удар тока, я отдернула руку от руки Уэстона, а Коннор направился к двери.

– Подожди. Ты что, уходишь?

– Я возвращаюсь в Бостон.

Я вскочила со стула и преградила ему путь.

– О чем ты говоришь? Ты не можешь оставить Уэстона вот так.

– Не могу оставаться здесь и видеть его в таком состоянии.

– Но... Коннор... – прошептала я. – Он же твой лучший друг.

– Ага, и погляди, до чего я его довел. – Он посмотрел на Уэстона сверху вниз, и на его скулах заходили желваки. – Я не могу здесь оставаться, – процедил он сквозь зубы. – Я еду домой.

Он сделал шаг к двери, но я его оттолкнула.

– А как же мы?

– Господи Иисусе, Отем. Нет никаких «нас» и никогда не было.

Меня словно ударили по лицу.

– Что это значит? О чем ты?

Вот только я прекрасно понимала, что он имеет в виду.

«Больше никаких секретов».

Я расправила плечи.

– Уэстон тебе рассказал, да?

– О чем?

– О том, что случилось в ночь накануне вашего отъезда на фронт.

Коннор нахмурился.

– Не знаю, о чем ты говоришь. В ту ночь я напился в стельку. – Потом его губы искривились в неприятной усмешке. – А что, той ночью я снова что-то испортил?

– Нет, я... – Во рту у меня пересохло. – Слушай, сейчас не самое подходящее время, чтобы об этом рассказывать. Всё так запуталось. Но я больше не могу жить с этими тайнами. Мы поцеловались, Уэстон и я. В ночь накануне вашего отъезда. – Я перевела дух и заставила себя договорить до конца. – Вообще-то, это было больше, чем просто поцелуй. Мы не переспали, но...

Одно долгое мгновение Коннор смотрел на меня с совершенно нечитаемым выражением лица, потом перевел взгляд на Уэстона, снова на меня и наконец издал хриплый, безрадостный смешок. Посмотрел в потолок и сказал:

– Господи боже.

– Прости, – сказала я. – Мне так жаль, Коннор. Я напилась, мне было страшно за вас обоих. Это не оправдание, но так уж вышло. И я беру на себя ответственность за свой поступок... – Я умолкла, потому что на лице Коннора отразилась злость. – Он тебе ничего не сказал, да?

– Ни черта он мне не рассказал.

– Я думала, ты из-за этого так расстроился, из-за меня.

– Из-за тебя? – Коннор покачал головой. – Ты не понимаешь, Отем. Мы с Уэсом...

– Что?

Коннор посмотрел на меня, в его зеленых глазах я прочитала бесконечную усталость.

– Ничего. Это не мое дело. Выходит, что это никогда не было моим делом. Я всегда лишний. Но я втянул тебя во всё это, и мне очень, очень жаль, Отем.

– О чем ты?

– Между нами всё кончено, – заявил Коннор. – И это к лучшему. Сейчас ты не понимаешь, но позже поймешь. Скоро.

Он направился к двери.

– Подожди, – окликнула я его. – Коннор, пожалуйста, не уходи вот так.

Он замер, уже взявшись за дверную ручку, потом проговорил:

– Я ухожу, а ты оставайся с Уэсом.

– Пожалуйста, не...

– Остайся с ним. И не выпускай его руку, Отем, что бы ни случилось. Не отпускай его.

Он вышел, так и не обернувшись.

Глава пятая

Отем

– Подача наркоза прекращена в девять часов три минуты, – сказал анестезиолог, глядя на настенные часы.

Я сидела с одной стороны кровати Уэстона, а Миранда и Пол с другой. Руби угнездилась на подоконнике. Все мы пристально следили за красными цифрами на часах, и когда те показали 9:04, Миранда сердито посмотрела на доктора Ковальчика.

– Он не просыпается. Вы же сказали, что он проснется, как только перестанут подавать лекарство.

Терпеливо улыбаясь, доктор Кей снял с шеи стетоскоп, склонился над Уэстоном и прислушался. На несколько секунд все затаили дыхание, тишину нарушало только мерное гудение аппарата искусственной вентиляции легких.

Доктор Кей наклонился еще ниже.

– Привет, Уэс! – громко проговорил он. – Слышишь меня? Ты не мог бы открыть глаза, Уэс?

Ноль реакции.

– Ну? – У Миранды округлились глаза, она нервно сплетала и расплетала пальцы.

– Нужно время, – мягко произнес доктор Кей, выпрямляясь и вынимая из ушей стетоскоп. – Процесс может занять от нескольких минут до трех суток. С учетом того, что паци-

ент находился в искусственной коме почти неделю и не приходил в сознание с момента ранения в Сирии, полагаю, пробуждение наступит скорее позже, чем раньше. И, возможно, оно будет сопровождаться побочными эффектами.

– Это какими, например? – спросил Пол.

– После пробуждения Уэс может испытывать тревогу, волнение, возможна даже агрессия. Всё это совершенно нормально, но вам следует быть готовыми.

Миранда коснулась эндотрахеальной трубки, всё еще закрепленной во рту Уэстона.

– А почему за него до сих пор дышит машина? Это тоже нормально?

– Да. Уэс должен проснуться, нам нужно убедиться, что он достаточно окреп, чтобы дышать самостоятельно.

Доктор Кей сказал несколько слов анестезиологу, тот кивнул и вышел из палаты.

– Мне нужно к другому пациенту, – сказал доктор Кей. Он указал на медсестру. – Ронда будет здесь следующие десять часов. Полагаю, вам стоит выпить кофе или перекусить, может быть, даже прогуляться. Процесс пробуждения может растянуться надолго.

– Я никуда не пойду, – заявила Миранда, озвучив мои мысли.

– Хорошо. Я скоро вернусь и проверю, как он.

Миранда взяла сына за руку.

– Он может проснуться в любую минуту, правда, малыш?

Мы все здесь тебя ждем. — Она понизила голос. — Ну, почти все.

— Ну, ну, — проговорил Пол. — Коннор тоже нуждается в отдыхе и лечении. И, конечно же, Виктория должна поехать с ним, так же как и мы остаемся с Уэсом.

— «В лечении»? — воскликнула Миранда. — Ради всего святого, мы и так в больнице! Он может остаться и лечиться здесь, хотя бы до тех пор пока мой мальчик не очнется. — У нее в глазах заблестели слезы. — Уэс захочет видеть лучшего друга. Коннору следовало быть здесь.

— Миранда, они прошли через ад, — попытался урезонить ее Пол. — Никому из нас не понять, как сильно страдает Коннор. Нельзя заставлять его делать то, на что он сейчас не способен.

Миранда пожала плечами и тихо пробормотала:

— Коннор втянул моего мальчика во всё это. Неужели он не мог остаться и посмотреть, как Уэс придет в себя?

У меня екнуло сердце, а Руби удивленно посмотрела на меня, приподняв брови.

— Коннор не виноват, — сурово заявил Пол. — В случившемся никто не виноват. Такое может случиться, если человек записывается в армию. Уэс понимал, что рискует. Прошлого не вернешь, нужно двигаться вперед. — Тут его тон немного смягчился. — Обвиняя Коннора, ты не станешь чувствовать себя лучше, дорогая.

Миранда хлюпнула носом, но ничего не ответила.

Время тянулось мучительно долго. Прошел час, потом второй. Уэстон не подавал никаких признаков скорого пробуждения, и Руби наклонилась ко мне.

– Идем, Отем. Нужно что-то съесть или хотя бы выпить кофе.

– Мне не следует его оставлять, – ответила я.

«Коннор попросил меня остаться с Уэстоном. Да я и сама не могу сейчас уйти».

– Иди, милая, – посоветовал мне Пол. – А потом мы с Мирандой сходим перекусить. Уэс не останется один.

Мне ужасно не хотелось уходить от Уэстона, но, с тех пор как пришло письмо из армии, меня словно нес бурный поток: он забросил меня в Балтимор, в эту больницу, погрузил в море переживаний и сумятицы. Во всём этом шторме Руби была словно остров, и я осознала, что напрасно не рассказала ей о том, что произошло между Уэстоном и мной.

– Только кофе, – решила я.

– Так мило с твоей стороны, что ты осталась с нами, золотце, – проговорила Миранда. – Я думала, ты уедешь вместе с Коннором.

– Я... Уэстон мой друг, – выкрутилась я.

Миранда снова опустилась на стул.

– Приятно знать, что кто-то еще понимает значение этого слова.

Когда мы спустились в кафетерий, Руби отхлебнула кофе и сказала:

– Поговори со мной, подруга.

– О чем?

– Почему ты до сих пор здесь, а не в Бостоне рядом с Коннором?

Я судорожно втянула в себя воздух и выпалила:

– Он порвал со мной.

У Руби округлились глаза.

– Ты не шутишь? Вчера вечером? Он поэтому уехал?

– Отчасти. Главным образом он уехал потому, что полностью согласен с Мирандой: он считает, что виноват во всём случившемся с Уэстоном.

Руби пожевала нижнюю губу.

– Проклятие. Да еще все эти разговоры про то, что у Уэса поврежден позвоночник.

– Думаю, дело и впрямь серьезное, Руби, – пробормотала я, борясь с подступившими слезами. – Коннор так думает, а ему виднее. Он был там, когда Уэстона подстрелили, и потом был с ним в немецкой больнице.

– Бедный Уэс. Боже, а говорили даже об участии в Олимпийских играх, да? Вот черт...

Я кивнула, потом выпрямилась.

– Но мы не знаем наверняка.

Доктора еще должны провести исследования. К тому же они профессионалы. Я постоянно твержу себе, что нужно дожидаться, пока они поставят окончательный диагноз, а потом вспоминаю, что Коннор уехал.

Руби поджала губы, всем своим видом выражая сомнение, потом взяла меня за руку.

– Жаль, что вы с Коннором расстались. Знаю, у вас двоих не всё шло гладко, но я никогда не думала, что он бросит тебя в такой момент. – Она склонила голову набок, пристально меня рассматривая. – Ты очень огорчилась?

– Сама не понимаю, что чувствую. Я его люблю. Или любила? – Я нервно пригладила волосы. – Боже, всё так запуталось.

– Несмотря ни на что, Коннору сейчас следовало быть здесь, рядом с Уэсом, – изрекла Руби, качая головой. – Пусть он испытывает чувство вины, но у меня в голове не укладывается, что он вот так слинял.

– Возможно, дело не только в чувстве вины. – Я потупилась и стала пристально рассматривать свой кофе.

– Вот как?

Я зажмурилась и выпалила:

– Я изменила Коннору с Уэстоном.

Когда я приоткрыла глаза и посмотрела на Руби, та тараторщица на меня, выпучив глаза и открыв рот.

– Ты... серьезно? Это ты-то? – Подруга наклонилась ко мне и напряженным голосом спросила: – Ты спала с Уэстоном? С лучшим другом Коннора, с Уэсом?

– Спасибо, Руби, а то мне было недостаточно паршиво. Мы только поцеловались, но...

В памяти живо всплыли наши поцелуи, ощущение того,

как бедра Уэстона прижимались к моему телу, как задралась моя юбка, как его рука скользнула мне между ног, как я до смерти его хотела...

Я моргнула и обхватила себя за плечи, борясь с волнами удовольствия. Нашла место предаваться подобным мыслям.

– Я была пьяна, мы поцеловались и зашли бы еще дальше, но Уэстон остановился. Но я не собираюсь оправдывать себя. Я поступила плохо, и Коннор имеет право ненавидеть меня. – Я подняла глаза на свою лучшую подругу. – Ты меня ненавидишь?

Руби хохотнула, потом вздохнула, недоверчиво покачала головой.

– О, боже, подруга. Так вы всего лишь поцеловались?

– Всё равно это измена, Руби, и не я прекратила это, а Уэстон.

Руби надула щеки.

– Ух ты. Я просто в шоке. Ты говорила, что вы с Уэстоном общаетесь, но я не думала, что будет что-то большее.

«Что-то большее». Меткое определение. Между мной и Уэстоном было нечто большее. Больше чувств, больше электричества, больше фейерверков, больше желания – невероятно, но факт. Чистое, неприкрытое желание.

– Я тоже не думала, что между нами что-то может быть, но той ночью словно что-то щелкнуло, – призналась я. – Как-то деталь встала на место, хотя я даже не заметила, когда она успела выпасть.

Руби нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Я вертела в руках кружку.

– Не знаю. У нас с Коннором всё было так странно. Он был так красноречив в письмах и стихах, но вот при личном общении... ничего. Или почти ничего. У меня даже появились ужасные подозрения.

– Какие подозрения?

– Его письма и стихи. – Я посмотрела на Руби. – Когда я пытаюсь представить Коннора сидящим за столом и изливающим свое сердце на бумагу, у меня ничего не получается.

– И у меня, – медленно проговорила Руби. – По-моему, он просто не создан для этого.

– А Уэстон создан, – продолжала я. – Но ведь не может быть, чтобы он... не знаю, помогал Коннору? Как такое вообще можно повернуть? Может, он помог ему написать одно стихотворение? Это я еще могу понять, но как же письма? Все те письма...

«Все эти прекрасные слова, каждое из которых было наполнено глубокими чувствами».

Меня мороз продрал по коже.

– Не верю, что они могли так со мной поступить, так мною манипулировать. Играть моими чувствами. – Я стала говорить тише но голос дрожал. – Я переспала с Коннором, прочитав его стихотворение, потому оно меня потрясло, я поняла, что люблю автора этого стиха. Я отдала Коннору свое те-

ло, а позже и сердце. Если всё это было не по-настоящему... если это был розыгрыш...

Руби уже качала головой.

– Да еще и растянуть всё это так надолго. Даже на войне.

– Когда думаю об этом, мне становится тошно. Но нас с Уэстоном так тянуло друг к другу... Как будто у нас не было другого выбора.

– Под воздействием текилы девушки часто думают, что у них нет иного выбора, кроме как переспать с парнем. – Руби пожала плечами. – Но, если серьезно, очень может быть, что Уэстон на тебя запал. Крепко запал. Возможно, он сочиняет красивые речи, а Коннор просто их повторяет.

– Но тогда это просто жуть что такое, – воскликнула я и тут же понизила голос, потому что сидевшая за соседним столиком пожилая дама строго на меня посмотрела. – Я так сильно нравлюсь Уэстону, что он сделал всё, чтобы я переспала с его лучшим другом? – Я покачала головой. – Мои разум и сердце пытаются это осмыслить, но всякий раз я захожу в тупик. Не верится, хоть убей, что Уэстон мог так со мной поступить, что Коннор воспользовался бы ситуацией. Я просто не верю.

Руби закивала, глядя на меня широко распахнутыми глазами.

– Ты права. Всё это слишком дико, чтобы быть правдой. Но, послушай, если всё это правда, хотя бы отчасти, тебе нужно спросить у них. Напрямик.

– Коннор не станет со мной разговаривать, – вздохнула я. – Это слишком унижительно – всё это.

– Он поэтому уехал?

Я покачала головой.

– Нет. По крайней мере, он сказал, что уезжает не поэтому, что мы расстаемся, но я уже не знаю, чему верить. Коннор страдает. Он только что вернулся из зоны боевых действий и перенес операцию, а теперь его отправляют в отставку. – Я вздохнула. – Не думаю, что он до конца понимает, что именно им движет.

– А ты сама что чувствуешь?

Я слегка пожала плечами.

– Думаю, я еще не в полной мере осознала, что произошло. Но прежде чем я начну беспокоиться о чем-то другом, мне нужно, чтобы Уэстон очнулся и поправился. Сейчас это самое главное. – Я посмотрела на свои серебряные часы и начала подниматься из-за стола. – Кстати говоря, пора уже нам вернуться к нему...

– Мне тоже пора возвращаться в Бостон, – сказала Руби. – Нужно сделать массу вещей перед отъездом в Италию, и в это воскресенье у папы день рождения. Я здесь главным образом ради тебя. Мы с Уэсом едва знакомы. – Она снова взяла меня за руку. – Ты справишься?

– Да, конечно, – ответила я, но сердце у меня упало. – Поезжай, если нужно. И поздравь от меня папу.

– А ты? – спросила Руби. – Как долго ты собираешься

оставаться в Балтиморе? Разве Эдмон не ждет, что ты вернешься на работу?

– Да, но я не могу оставить Уэстона. Мне нужно быть рядом, когда он очнется, тем более что Коннора здесь нет. Уехать сейчас было бы неправильно.

– К тому же тебе нужно спросить у него про те письма и стихи, да? Твои чувства тоже важны, но, по-моему, ты постоянно об этом забываешь.

– Возможно, жизнь Уэстона изменится навсегда, – возразила я. – Нужно дать ему время прийти в себя и осмыслить новости, которые он услышит от врачей. Это меньшее, что я могу сделать.

Руби фыркнула.

– Надеюсь, он этого заслуживает. Если они с Коннором играли твоими чувствами...

– Я разберусь с этим позже. По одной катастрофе зараз, пожалуйста.

Мы встали из-за стола, а когда вышли из кафетерия, Руби меня обняла.

– Притащи свою задницу в Массачусетс прежде, чем я уеду.

– Ты же уезжаешь через три недели, – заметила я.

– Верно, но я тебя знаю. Ты будешь тут помогать до победного, полностью наплевав на собственную жизнь.

– Как мило, Руби, – фыркнула я. – Могу я записать это в своем резюме?

Подруга рассмеялась.

– Просто возвращайся поскорее. Я буду бегать по делам, как сумасшедшая, но мне нужно провести с тобой хотя бы три дня в нашем старом логове: устроим девичник и пообсуждаем мужчин. Или будем их ругать на чем свет стоит.

Я кивнула, еще раз обняла подругу и посмотрела на нее, чувствуя странную ностальгию. Руби говорила об обычной, повседневной жизни, и шагая к эскалаторам, чтобы вернуться в отделение интенсивной терапии, я очень ясно понимала: ничто уже не будет обычным и нормальным долгое-долгое время.

Спустя шестнадцать часов после того, как остановили подачу лекарства, Уэстон всё еще не приходил в сознание. Пол сидел напротив меня и решал кроссворд в маленькой книжечке, купленной в газетном киоске на первом этаже. Миранда сидела на подоконнике, смотрела сериал «Настоящие домохозяйки Нью-Йорка», который транслировали по висящему на стене телевизору, и время от времени фыркала. Наконец она зевнула и потеряла глаза.

– Давай пойдем в общую комнату и поспим, – предложил Пол. – Это недалеко, в другом конце коридора. Если Уэс проснется, мы уже через минуту будем здесь.

Миранда неохотно кивнула и поднялась с сиденья.

– Не хочешь немного передохнуть, девочка? – спросил меня Пол.

– Нет, я не устала, – соврала я, хотя на самом деле просто

падала от изнеможения. Однако меня ужасно пугала мысль о том, что Уэстон может проснуться, когда рядом никого не будет.

«Останься с ним. Не выпускай его руку. Не отпускай его».

– Ты ангел, – сказала Миранда, подавляя зевок.

Пол похлопал меня по плечу и одними губами произнес: «Спасибо».

Потом они ушли.

Я положила голову на кровать рядом с рукой Уэстона и стала смотреть на него поверх маленьких холмов и долин, образованных белыми простынями.

– Ты должен проснуться, – прошептала я. – Наверное, тебе не хочется этого делать. Наверное, там, где ты сейчас, безопасно и хорошо, но, пожалуйста, Уэстон, проснись.

Грудь Уэстона поднималась и опускалась, подстегиваемая аппаратом искусственной вентиляции легких, который сейчас дышал вместо него. Я почувствовала, что мои вдохи и выдохи звучат в такт дыханию Уэстона. В голове стало пусто, и в конце концов меня сморил сон.

Глава шестая

Уэстон

Бегуны выстроились перед стартовой чертой. Я занял свое место на центральной дорожке. Слева от меня встала Отем, ослепительно-прекрасная в своем зеленом платье. Солнце светило ей в спину, так что ее волосы полыхали золотым костром – прямо как в тот раз, когда мы вместе шли домой от кафе-пекарни. Тогда я даже остановился, залюбовавшись этим рыжим нимбом. Этот образ поддерживал меня, пока мы были в тренировочном лагере и позже, в жаркой, душной Сирии.

И вот она здесь, со мной.

«Ты должен проснуться, – говорит она мне. У нее очень серьезное выражение лица. – Пожалуйста, Уэстон, проснись».

За ней, на соседних дорожках, замерли моя мать и Пол. Сенатор Дрейк, одетая в элегантный брючный костюм, аккуратно упирается высокими каблуками в стартовые колодки

Я смотрю направо, туда, где должен находиться Коннор, но на дорожке лицом вниз лежит тело, облаченное в камуфляжную форму и бронежилет, на спине ранец, в руке винтовка.

«Брэдбери», – думаю я, но в сердце уже ледяной змеей за-

ползает страх. Этот солдат выше Брэдбери, и у него шрам на запястье – точно такой шрам заработал Коннор в старшей школе, во время урока труда.

«Нет...»

Звучит команда «на старт, внимание, марш», потом гремит выстрел.

Чья-то невидимая рука прижимает меня к земле, и я не могу сдвинуться с места, а Отем и остальные убегают вперед. Моя щека прижата к дорожке, голова повернута так, что я вижу свое тело, и оно тоже не двигается.

«Коннор, проснись!» – пронзительно кричу я, но голоса нет. Я зажмуриваюсь и слышу детский плач, крики мужчин и выстрелы.

«Это должен был быть я...»

Взрывается бомба. Беззвучно, и всё же беговая дорожка разлетается на миллион осколков. Огонь, дым и кровь. Меня выбрасывает в пустоту, где верх и низ меняются местами. Я падаю вверх, подброшенный взрывной волной, спина превращается в один оголенный комок нервов, вспыхивает болью.

Вверху, в зените пустоты, горит крохотная искорка света. Свет становится всё ярче, горячее, больше. Он выжигает мне глаза, и я хочу уплыть, но не могу сдвинуться с места. Я рвусь, молочу руками всё быстрее и быстрее, но врезаюсь в стену света и звука.

И новой боли.

«Уэстон, открой глаза».

Потом я падаю в обратную сторону, и жесткая, выжженная почва мчится мне навстречу.

Я разобьюсь.

– Уэстон.

– Очнись, Уэстон.

Мои глаза распахиваются, тело спазматически напрягается в ожидании боли. Ужас охватывает меня, когда я падаю на землю.

Не на землю, а в кровать.

Мой мозг зарегистрировал белые простыни, ослепительный свет, ритмичный писк. Потом боль разрезала мое тело пополам. Я попытался закричать, но какой-то предмет у меня во рту и в горле вдохнул воздух обратно мне в легкие. Я тонул и одновременно оживал.

– Уэстон.

Голос в моей голове. Мягкий и зеленый.

– Уэстон, посмотри на меня.

Теперь голос звучал не у меня в голове, а где-то рядом, и я тянулся за ним. Он мне нужен. Нельзя, чтобы он унесся по беговой дорожке без меня, в платье, похожем на весну, с волосами, подобными...

«Отем?»

Я задержался, в тщетной попытке устремиться за этим голосом, задрожал всем телом, и эти судорожные движения принесли мне новую порцию боли.

– Тихо, тихо. – Другой женский голос. Более резкий. Властный. Чьи-то руки надавили мне на плечи. – Успокойтесь. Вот так, спокойно, всё хорошо. Не боритесь с аппаратом.

Раздался тихий стон. Это я. Этот утробный звук вырвался из моего горла, прорвался между принудительными вдохами и выдохами, которые я не мог контролировать. В то же время тонкие полоски света то загорались, то гасли.

«Это мои глаза. Я открываю и закрываю глаза».

«Я здесь».

«Это я».

Боль. Проклятие, вот это боль. По нижней части моей спины как будто долбили раскаленной кувалдой, снова и снова.

– Уэстон, – прозвучал рядом голос Отем. Прохладные пальцы обхватили мое запястье. – Всё хорошо. Попробуй расслабиться.

Мой разум медленно сопоставил одно с другим. Кровать с белыми простынями и пищание аппараты. Это больница. И Отем рядом со мной.

– Отем, – проговорил я, точнее, попытался. Штука, вставленная мне в горло, не давала разговаривать. Я начал давиться, и мне в легкие снова хлынул кислород. Машина заставляла меня дышать, но я не хотел ей подчиняться, боролся, пытался дышать сам.

– Я позову лечащего врача, – сказала женщина. Наверное, это была медсестра. – А вы останьтесь с ним. Говорите с ним

и помогите ему прийти в себя.

«Останься со мной, Отем. Навсегда».

Веки налились тяжестью, но я пытался держать глаза открытыми. Пластиковая трубка и белая липкая лента заслоняли мне обзор, но я видел Отем. Она стояла надо мной, и рыжие волосы рассыпались по ее плечам. Прекрасное видение, мирный сон спустя несколько месяцев непрерывного кошмара.

– Привет, – тихо проговорила она. Ее пальцы переплелись с моими, другой рукой она погладила мой лоб. – Ты очнулся, всё хорошо.

«Нет, – подумал я. – Моя спина. Черт возьми, что-то не так с моей спиной...»

– Просто слушай мой голос. – Ее пальцы почти невесомо касались моей головы. – Ты подключен к аппарату искусственной вентиляции легких. Хорошо? Он дышит вместо тебя. Постарайся не сопротивляться. Я здесь. Слушай меня. Я расскажу, что случилось. Ладно?

Я моргнул, потому что был слишком слаб, чтобы кивать.

– Ты в Балтиморе, в Медицинском центре имени Уолтера Рида, – сказала Отем. – В Сирии тебя ранили. Сначала тебя самолетом отправили в Германию, а теперь ты здесь. Аппарат поможет тебе дышать, пока ты окончательно не придешь в себя. Вот и всё.

Слезы навернулись мне на глаза, я зажмурился, чтобы их сморгнуть, и почувствовал, как они текут по щекам. Отем

протянула руку и вытерла одну слезу, потом ее рука сжалась в кулак, и ее собственные слезы закапали на белую простыню. Несмотря на ободряющие слова, ее красивое лицо исказила гримаса боли.

«Потому что Коннор мертв».

При мысли об этом я вздохнул, и спину снова обожгла волна боли. Проклятая трубка в горле не позволяла мне ни закричать, ни выругаться, и тогда я выдернул руку из пальцев Отем и жестом изобразил, будто что-то пишу в воздухе невидимой ручкой.

– Хочешь что-то написать? Подожди, сейчас...

Отем исчезла из поля моего зрения, и моя рука снова упала на кровать. Ужас отступил, оставив меня обессиленно дрожать от боли. Я почти не мог двигаться.

Отем появилась снова и вложила мне в пальцы шариковую ручку.

– Держи.

Она бережно приподняла мою руку, и я почувствовал, как она прикладывает ее к небольшому бумажному блоку. Ручка весила не меньше тысячи фунтов, но я всё-таки нацарапал одно слово.

Коннор

Отем прочла, что я написал, и на ее лице отразились понимание и ужас.

– О, Боже. Прости, ты же не знаешь. Коннор жив, у него всё в порядке, – быстро сказала она и сморгнула слезы. – Он

здесь. В смысле, он уезжает домой. Вчера его отправили в отставку, и сегодня вечером его мать везет его обратно в Бостон. У него серьезный перелом руки, но в целом он здоров. С ним всё хорошо, Уэстон, честное слово. Он жив.

Я в изнеможении смежил веки, чувствуя невероятное облегчение.

«Я это сделал. Я победил. Носочный Мальчик мертв, отныне и навеки».

Одно долгое мгновение я наслаждался своим триумфом, а потом палату огласил визгливый голос моей матери. Мне на лицо закапали слезы: Ма обхватила мою голову и расцеловала меня в обе щеки. Моя мама. В голове возникло множество детских воспоминаний о безопасности и любви: когда я разбивал коленки или царапал палец о дверь машины, мама всегда приходила на помощь. И сейчас она тоже рядом.

Поглядев поверх маминых плеч, я увидел Пола – он улыбался и промокал глаза. Они с мамой здесь, Отем здесь, и с Коннором всё хорошо.

– Привет, Уэс. – Теперь возле кровати стоял высокий мужчина в синей форме медика и накинутом поверх нее белом халате. – Я доктор Ковальчик. – Давай-ка посмотрим на тебя...

Он посветил фонариком мне в глаза, хотя мне хотелось только одного: уснуть и спать без сновидений, но зверская боль в спине никак не унималась, грызла и грызла мои кости.

Я нащупал лежащую на простыне ручку и нацарапал на

блоке бумажных листочков:

Боли

– Ему больно, – сказала Отем, поворачивая к себе листочки. – Вы не могли бы дать ему что-то?

Врач, не переставая светить мне в глаза, сказал медсестре что-то про обезболивающее, и через несколько минут сутолоки и приглушенных разговоров теплая волна забрала меня с усеянного острыми камнями острова боли и унесла. Унесла далеко, только Отем по-прежнему держала мою руку, так что я знал, что обязательно вернусь.

Мои губы как-то странно выгнулись вокруг эндотрахеальной трубки, и я понял, что улыбаюсь или, точнее сказать, пытаюсь улыбнуться. Откуда-то издалека донесся голос моей матери:

– Я хочу знать правду. Он будет снова ходить или нет?

«Снова ходить...»

Холодный, пронизывающий страх пронзил мое сердце, но я был уже слишком далеко. Я цеплялся за руку Отем, но больше ее не ощущал. Отем исчезала, уносилась всё дальше по беговой дорожке. Мысленно я рвался за ней, но в голове стало пусто, осталась только одна мысль.

Носочный Мальчик не умер. Он остался здесь точно злобный призрак, обитающий в старом шкафу на чердаке. Он смеялся надо мной, пока я, барахтаясь, уплывал всё дальше, терялся в пространстве.

«Я никуда не уйду... да и ты тоже».

Глава седьмая

Отем

На следующее утро я проскользнула в палату Уэстона, держа в руках два стакана кофе; помещение было залито серебристым светом. Я поставила один стакан на стол, возле которого сидела Ронда, и медсестра благодарно улыбнулась.

– Он спит, – произнесла она одними губами.

Мне хотелось сесть рядом с Уэстоном и держать его за руку – как и просил Коннор, – но ранее этим утром доктор Кей велел отключить Уэстона от аппарата искусственной вентиляции легких. Наконец-то! Эндотрахеальная трубка раздражала Уэстона, он постоянно ею давился и пытался дышать самостоятельно. Я села возле окна, сжимая в руках стакан кофе, и стала пристально наблюдать за грудной клеткой Уэстона. Она равномерно поднималась и опускалась.

– Он отлично держится, – сказала Ронда.

Я кивнула и слабо улыбнулась.

«Пока что».

Сегодня команда ортопедов собиралась проверить, насколько сильно поврежден спинной мозг Уэстона. Доктор Кей настаивал, что нам не следует паниковать, пока нет результатов тестов, но я никак не могла выбросить из головы слова Коннора.

«Уэс никогда не будет ходить».

Я перевела взгляд с груди Уэстона на его длинные ноги, укрытые простыней; я надеялась, что они вот-вот шевельнутся или дернутся, но этого не происходило, и тогда я стала придумывать оправдания этой неподвижности.

«Он прошел через ад. Он находится под действием обезболивающего. Он еще слишком слаб».

От переживаний мне буквально было больно дышать, а поскольку Руби вернулась в Бостон, мне не у кого было искать поддержки и утешения.

Еще я скучала по Коннору. Он был на войне несколько месяцев, потом вернулся, и мы провели вместе несколько часов, наполненных болью, противоречиями и неприятными откровениями. А теперь он снова уехал. Я нуждалась в нем, более того, сейчас он нужен Уэстону.

– Доброе утро, солдат, – мягко сказала Ронда.

Уэстон зашевелился, не отрывая головы от подушки, повернул ее в одну сторону, в другую, поднял руку, снова уронил. Его окаймленные темными кругами глаза приоткрылись от звука моих шагов; он затуманенным взглядом проследил, как я подхожу и сажусь на стул возле кровати. Потрескавшиеся губы приоткрылись, но я покачала головой.

– Никаких разговоров.

Мой голос звучал скрипуче от внезапно подступивших слез, и всё же на меня вдруг накатила волна счастья. Новый день принес мне ощущение приближающегося чуда, о котором часто говорил мой отец. Уэстон жив. Он тяжело ранен,

возможно, его даже не смогут окончательно вылечить, но он жив.

– Господи. Ты здесь, – пробормотала я.

«Ты вернулся ко мне...»

Уэстон слабо кивнул, и всё, чего он еще не знал, вдруг повисло между нами тяжким грузом. Моя радость омрачилась и съежилась от осознания надвигающейся беды.

«Я буду рядом с ним. Какие бы новости мы ни получили, я не оставлю Уэстона одного».

Уэстон обвел комнату мутным взглядом.

– Где Коннор?

– В Бостоне.

Уэстон посмотрел на свои ноги, неподвижные, как у манекена, подергал край простыни, которой был укрыт.

– Доктора скоро придут, – поспешно сказала я. – И твоя мама. Думаю, твои сестры приедут сегодня.

Медленно, устало Уэстон провел рукой по бедру, потыкал его пальцем.

– Расскажи мне всё, – хрипло попросил он.

В его широко раскрытых глазах плескался страх. Трещина, расколовшая мое сердце надвое, увеличилась и стала глубже.

– Доктора объяснят всё лучше меня.

Уэстон покачал головой – перекатил ее по подушке сначала в одну сторону, потом в другую.

– Я потерял время. Я был в пустыне. Теперь я здесь. Не

знаю, что со мной происходит, и не могу... – Его голос понизился до шепота. – Отем, я не могу шевельнуть ногами.

– Уэстон...

– Пожалуйста. – Он тяжело сглотнул. – Расскажи мне.

Я быстро взглянула на дверь, потом снова посмотрела на Уэстона, надеясь, что сейчас войдут врачи и поговорят с ним профессионально, успокоят его. Я ничего не смыслила в медицине и не знала, как утешить человека в подобной ситуации, но мы с Уэстоном всегда были честны друг с другом. Дети из небогатых семей, студенты на стипендии, вынужденные сводить концы с концами и ненавидевшие благотворительность, но всегда готовые прийти на помощь другим. Ему нужна правда, и сейчас только я могла ему всё рассказать.

– В тебя попали четыре пули, – сказала я. – Одна попала в желчный пузырь, другая раздробила кость в правой части таза, третья пробила бедро. Ты едва не истек кровью. В Германии тебе сделали три операции. Потом из раны в желчном пузыре начали выделяться токсины, вызвавшие серьезную инфекцию, и врачам пришлось ввести тебя в искусственную кому, чтобы можно было транспортировать тебя домой в стабильном состоянии. Чудо, что ты остался жив.

– Четвертая пуля.

Это был не вопрос. У меня болезненно сжалось сердце.

«Не хочу ему говорить, но, кроме меня, никому. Сейчас я здесь одна».

– Отем... – Он смотрел умоляюще. – Четвертая пуля?..

Я сделала глубокий вдох, а в следующую секунду дверь распахнулась, и в палату хлынула волна звука. Миранда Тёрнер и ее дочери влетели внутрь, словно стая пронзительно вопящих, ссорящихся птиц, которые то и дело клюют друг друга, и медсестре пришлось призвать их к порядку.

– Нечего на меня шикать! – через плечо огрызнулась Миранда. – О, малыш, ты проснулся. Слава богу!

– Привет, Ма, – прошептал Уэстон.

– Тебе трудно говорить, да, малыш? Сказали, что эндотрахеальная трубка помимо всего прочего повреждает голосовые связки. Не можешь говорить. Не можешь ходить. Что дальше, а? Я думала, врачи должны тебя вылечить.

Я стиснула зубы, борясь с желанием выплеснуть свой кофе ей в лицо.

«Черт побери, Миранда. Нельзя так. Нельзя же сообщать ему это вот так».

Уэстон не сводил глаз с матери. Он не сказал ни слова, но писк аппаратов участился, и кривые линии на мониторах запрыгали выше, отмечая учатившийся пульс.

– Ма, заткнись и перестань истерить. – Фелиция, старшая сестра Уэстона, одетая в старый свитшот и джинсы, выглядела усталой. – Мы не знаем всего. – Она наклонилась и чмокнула брата в щеку. – Несмотря ни на что, ты жив, а это самое главное, верно?

Уэстон всё смотрел куда-то перед собой, когда другая его сестра, Кимберли, наклонилась его поцеловать.

– Хорошо выглядишь, – сказала она и натянуто улыбнулась. – Правда, хорошо.

Ее улыбка дрогнула, голос сорвался, и она отвернулась. Было видно: она едва сдерживается, чтобы не разрыдаться.

У Уэстона задрожали губы, руки сжались в кулаки, костяшки пальцев побелели. Я взяла его за ту руку, что была ближе ко мне, с усилием разжала его пальцы и переплела со своими.

Тут – слава тебе, господи! – пришел Пол, нагруженный стаканчиками из «Старбакса». Он мгновенно оценил ситуацию и отвел всех женщин семейства Тёрнер в сторонку, чтобы они не нависали над кроватью. Усадив дам за столик и раздав им кофе, Пол подошел к Уэстону.

– Ну, как ты? – спросил он и дружелюбно улыбнулся. – Держишься?

Уэстон не ответил, только смотрел прямо перед собой. Он не проронил ни слова до прихода команды ортопедов.

– Я доктор Харрис, – сказал один из врачей, тот, что постарше, с седой бородой. – Это доктора Маккалли и Андерсон. Мы проведем некоторые обследования, которые дадут вам ответы, которых, я уверен, вы с нетерпением ждете.

Прекрасные сине-зеленые глаза Уэстона стали еще ярче от страха.

– Что с моей спиной? – хрипло выдохнул он.

Доктор Харрис придвинул к кровати стул и сел, чтобы оказаться на уровне глаз Уэстона.

– МРТ и КТ, сделанные в Ландштульском медицинском центре, показали перелом позвонков и сжатие спинного мозга на уровне 3, то есть на поясничном уровне. Операция по удалению пули уменьшила сжатие, но немецкие врачи не смогли оценить, насколько серьезны повреждения.

– Почему нет? Почему всё так долго? – требовательно спросила Миранда.

Доктор Харрис не сводил спокойного взгляда с Уэстона, как будто это он задал вопрос.

– Как правило, мы проводим подобные исследования в течение трех суток с момента травмы, однако у вас были другие, более серьезные раны, опасные для жизни, и в первую очередь необходимо было заняться ими. Вообще-то, вы выжили чудом. Кто бы ни оказал вам первую помощь на поле боя, он определенно спас вам жизнь.

– Был взрыв, – прошептал Уэстон. Он побледнел сильнее прежнего. – Дальше ничего не помню.

– Уверен, врач из вашего взвода должен был всё задокументировать. – Потом Харрис обратился ко всем членам семьи. – Нам нужно, чтобы все ненадолго вышли в коридор...

– Ни за что, – воскликнула Миранда, скрещая руки на груди. – Меня и без того долго держали вдали от сына.

– Ма. – Уэстон закрыл глаза.

– Слыхала я об этих исследованиях. Утыкаете моего мальчика иголками, станете прикладывать лед к его коже или что-то в этом роде.

– Верно, – согласился доктор Харрис. – Мы проведем исследование с помощью игл и легких прикосновений, чтобы оценить степень повреждения нервов и понять, какие группы мышц пострадали. И мы будем выполнять эти исследования, соблюдая приватность, в тишине и спокойствии.

– Он мой сын, – не сдавалась Миранда. – Я хочу быть здесь, поддержать его...

– Ты его поддержишь, – вмешался Пол. – В зоне ожидания. Мы уходим, Миранда, прямо сейчас.

Я еще никогда не слышала, чтобы милейший Пол разговаривал с матерью Уэстона таким тоном. Мгновение Миранда смотрела на него, потом быстро кивнула.

– Ты прав, – сказала она, вставая. – Конечно. Просто я очень волнуюсь. Идемте, девочки, Уэсу нужно уединение.

Она нагнулась, поцеловала сына в щеку, как будто и исследования, и необходимость покинуть палату – это ее идея. Пол напоследок сжал плечо Уэстона и вышел следом за женщинами.

Я хотела заверить Уэстона, что всё будет хорошо, но язык не поворачивался. Вместо этого я прижалась губами к тыльной стороне его ладони и сказала то, в чем была на сто процентов уверена:

– Я вернусь, как только вы закончите.

Мы собрались в зоне ожидания, никто не проронил ни слова. Зловещее предсказание Коннора не шло у меня из головы. Каждый раз, когда я пыталась выбросить его из памя-

ти и надеяться на лучшее, страшные слова вновь звучали в ушах, подобно гигантской руке, прихлопывали крошечную искорку надежды.

Пол наклонился ко мне.

– Ты возненавидишь меня, если я поиграю в солитер на телефоне? Если я этого не сделаю, то непременно открою Гугл, задам запрос «травмы спинного мозга», и мне поплохеет.

– Конечно, играйте, – с благодарностью сказала я. – А я буду смотреть.

Целый час мы все сидели, уткнувшись носами в телефоны, пытаюсь занять мозги бессмысленной, успокаивающей ерундой.

Наконец доктора вышли из палаты Уэстона. Они остановились у двери, все как один скрестили руки на груди и принялись совещаться вполголоса, причем все были мрачны.

– О, боже, – прошептала я.

Пол взял меня за руку.

– Что бы они ни сказали, Уэс справится. Он парень крепкий. Всё будет хорошо. – Он посмотрел на меня своими добрыми карими глазами. – Ему повезло, что ты здесь, рядом с ним.

Целую секунду я наслаждалась этой каплей утешения, а потом снова обмерла от ужаса, потому что врачи уже подошли к нам в зону ожидания, чтобы сообщить результаты.

– У нас есть хорошие новости и не слишком хорошие, –

возвестил доктор Харрис, присаживаясь на стул. – Хорошая новость – травма спинного мозга неполная. То есть спинной мозг не разорван.

– Ну, это здорово, – сказал Пол. – Не так ли?

– Это то, что мы ожидали после МРТ. Но сегодняшние тесты подтверждают, что спинной мозг поврежден. По шкале ASIA Уэс относится к категории Б. ASIA – это шкала, которую используют для оценки тяжести повреждения спинного мозга, – пояснил он, видя наши озадаченные взгляды, затем надул щеки. – Скажу прямо: повреждения есть и они обширны.

– Господи Иисусе, – выдохнула Фелиция.

Кимберли расплакалась.

– О, боже. – Миранда прижала ладонь к губам.

– У Уэса так называемый синдром поражения передних рогов спинного мозга, – продолжал доктор Харрис. – Его ноги сохраняют некоторые сенсорные функции, хотя покалывание иглой он ощущает, как поглаживание пером. Уэс не чувствует боль, не чувствует изменение температуры. Он сохранил проприоцепцию, то есть осознает положение своих ног в пространстве. Однако...

Последнее слово повисло в воздухе. Сердце отчаянного колотилось у меня в груди. Комната вдруг превратилась в поезд, который на полной скорости несется к кирпичной стене, и доктор Харрис не собирался включать торможение.

– В таких обстоятельствах, – произнес врач, – у Уэса нет

никаких двигательных способностей.

«Уэстон больше никогда не будет ходить».

– Вы имеете в виду, что он не может ходить, – проговорила Миранда, повысив голос. – Вы это пытаетесь сказать? Мой малыш не может ходить?

Пол крепче сжал мою руку, а Миранда уцепилась за его плечо.

– Да. Он не может ходить, – подтвердил доктор Харрис.

Поезд разбился о кирпичную стену, грянул взрыв, во все стороны полетели куски металла, начался пожар.

– Мы пока не можем утверждать, что это навсегда, – продолжал врач под тихие рыдания Миранды.

– Каждая травма позвоночного столба уникальна, возможны улучшения на одном или нескольких участках. Окончательный результат мы узнаем только после реабилитации. Но пока шансы на то, что он снова встанет на ноги без посторонней помощи, крайне невелики.

– Итак, что дальше? – спросил Пол, вздергивая подбородок. – Вы сказали, нужна реабилитация?

Я уставилась в пол, и мой разум постарался заслониться от объяснений Харриса, я старалась не слушать, какой уход потребуется отныне Уэстону. Недели терапии в стационаре, уролог, психолог. Месяцы амбулаторной восстановительной и рекреационной терапии, чтобы научиться приспосабливаться к параличу, двигаться по жизни в коляске.

«Уэстон в инвалидном кресле».

Его стройное, высокое тело бегуна отныне всегда будет согнуто, некогда быстрые ноги отныне всегда будут неподвижны.

— Уэстон сейчас один, — выпалила я, вставая. — Он не должен быть один.

Доктор Харрис предупреждающе поднял руку.

— Прежде чем пойдете к нему, позвольте дать вам совет... Я знаю, очень трудно выслушивать такие неприятные вещи, но большинство паралитиков продолжают жить полноценной жизнью. Когда зайдете к Уэсу, ведите себя спокойно. Вы сейчас потрясены не меньше его. Будьте правдивы, но постарайтесь проявить как можно больше оптимизма и поддержки.

Мой разум кое-как осмыслил слова «паралич» и «инвалидная коляска», и мне пришлось бороться с желанием убежать, оставив членов семьи Уэстона самим разбираться со свалившимся на них несчастьем. Мы тихо вернулись в палату и выстроились вокруг кровати.

— Привет, малыш, — сказала Миранда, целуя сына в макушку. — Мама здесь. Всё будет хорошо.

Я взяла Уэстона за руку, кусая нижнюю губу, а сама боролась с желанием закричать на Миранду: «Это неправда, и он это знает!»

Кимберли отвернулась, ее плечи дрожали. Фелиция смотрела на брата, крепко стиснув губы, и медленно качала головой из стороны в сторону. Уэстон смотрел в потолок. Сейчас

он выглядел еще неподвижнее и молчаливее, чем когда находился в коме.

В дверь постучали, и в палату вошел какой-то офицер в парадной форме.

– Вы семья Тёрнеров?

– Боже мой, ну, что еще? – пробормотала Миранда.

– Да, сэр, – ответил Пол. – Чем мы можем вам помочь?

Офицер уверенным движением достал кожаную папку.

– С удовольствием сообщаю вам, что именем президента Соединенных Штатов ефрейтор Тёрнер награжден медалью «Пурпурное сердце» за службу и самопожертвование.

Уэстон крепче стиснул мою руку и закрыл глаза.

– Я также имею честь сообщить ефрейтору Тёрнеру, что он удостоен «Бронзовой звезды» за достойную службу в зоне боевых действий. Вот здесь вся информация о церемонии, дате и месте ее проведения.

– Спасибо, – сказал Пол, забирая папку. – Большое спасибо.

Офицер отдал честь Уэстону – тот по прежнему буравил взглядом потолок, – после чего ушел.

Миранда взяла папку и открыла ее, чтобы показать Уэстону.

– Ты слышал, малыш? «Пурпурное сердце» и «Бронзовая звезда» за героические поступки во время несения службы.

– Да чтобы они все провалились, – пробормотала Фелиция. – Они забирают его ноги и вместо них дают ему фин-

тифлюшку.

— Она даже не золотая, — сказала Кимберли. — Бронза? Разве это не третье место?

— А ну-ка заткнитесь, обе! — огрызнулась Миранда. — Проявите хоть каплю уважения.

— Уйдите все, — прошептал Уэстон.

В палате явно стало слишком много дам Тёрнер, все они сердито каркали и переругивались, но я слышала только Уэстона. Я поднялась на ноги, но он сильно сжал мою руку и потянул, заставив меня сесть на место.

— Все вон! — процедил он сквозь зубы.

Его мать и сестры перестали переругиваться и повернулись к кровати.

— В чем дело, милый? — всполошилась Миранда. — Тебе что-то нужно? Пол, принеси Уэсу попить, его голос звучит ужасно...

— Я сказал, выметайтесь, — выдохнул Уэстон, шумно втягивая носом воздух. — Сейчас же. Вон. Все вы.

Миранда выглядела оскорбленной.

— Ну уж нет, я ни за что...

— Вон, — повторил Уэстон, тяжело дыша ртом.

Писк аппаратов участился.

— Идемте, — сказал Пол. — Уэс хочет побыть один. Идемте, все вы.

Мягко, но настойчиво, не обращая внимания на протестующее кудахтанье, он повлек женщин к двери. Миранда гром-

ко возмущалась, мол, какой ребенок откажется от материнской поддержки в трудное время?..

– Отем? – спросил Пол, оборачиваясь через плечо.

– Не она, – выдохнул Уэстон. – Она остается.

Нечто среднее между одобрением и облегчением промелькнуло на лице Пола перед тем, как он ушел. Когда дверь, наконец, закрылась, Уэстон повернул ко мне голову, его глаза были широко открыты и лихорадочно поблескивали. Он был вне себя от паники.

– Я знаю, Уэстон, – проговорила я, наклоняясь ближе. – Дыши.

Он покачал головой, грудь его поднималась и опускалась слишком быстро, дыхание стало прерывистым.

– Я знаю, – повторила я. – Боже, я знаю, только дыши, Уэстон. Ну же. – Я взяла его руку и приложила к своей груди напротив сердца, потом положила другую свою руку ему на грудь. – Дыши вместе со мной. Медленно. Вдох... выдох...

Грудь Уэстона поднималась под моей ладонью в такт моему дыханию, он постепенно успокаивался. Теплая слеза скатилась по его щеке на мою ладонь.

– Знаю, – повторила я, наклоняясь к нему. – Мне жаль. Мне так жаль...

Я его обняла, вложив в это объятие всю себя. Между нами – или, может быть, только у меня – всегда было ощущение, что мы знаем друг друга целую вечность, и это стирало расстояние между нами; даже молчание во время его службы в

армии.

«Остальное неважно. Ни тот поцелуй, ни вся эта путаница. Письма, стихи, слова, молчание. Это неважно. Только это мгновение имеет значение».

Уэстон крепко держал меня, цеплялся за мою толстовку, его дыхание стало хриплым. В моей душе вновь всколыхнулся гнев на Коннора. Ведь Коннор очень важен для Уэстона, они были лучшими друзьями. Это Коннор должен был обнимать Уэстона, шутить, развеселить его. А если бы он не нашел в себе сил отпускать шутки, ему следовало бы просто быть здесь, поддержать друга в этот тяжелый момент жизни, когда для Уэстона закрылась дверь в будущее, закрылась, возможно, навсегда.

Уэс отпустил меня и вытер глаза плечом, обтянутым больничной пижамой. Его взгляд снова устремился в потолок. Момент слабости миновал, и Уэстон опять облачился в свою непробиваемую броню. В воздухе словно загудело электричество.

– Ты можешь идти, – сказал он.

– Мне не обязательно уходить...

– Иди. Мне нужно побыть одному.

– Ты уверен?

– Да.

Я вытерла глаза, встала и выпрямилась.

– Хорошо. Если понадобится, я буду рядом. Прямо за дверью.

Уэстон ничего не ответил, просто смотрел вверх.

– Ладно, – пробормотала я.

Я тихо вышла, прошла по коридору, закрылась в кабинке женского туалета и дала волю слезам.

Глава восьмая

Уэстон

Меня перевели из отделения интенсивной терапии в обычную палату, из окна которой открывался вид на парковку и выстроившиеся рядами автомобили, залитые янтарным светом заходящего солнца. Время от времени я задремывал, но в глубокий сон не погружался.

Раньше я думал, что тот проклятый сон про беговую дорожку, преследовавший меня во время службы, предвещал мне смерть в Сирии.

«Я это сделал. Я жив, но моя жизнь кончена, черт возьми».

В миллионный раз за день я напрягся, пытаюсь подвигать ногами: согнуть колени, пошевелить пальцами – хоть что-то. Мои ноги перестали мне принадлежать. Я чувствовал, что они на месте, но и только. Прикрытые простыней очертания, два куска из плоти, мышц и костей. Гиперреалистичная скульптура, мертвый груз.

Тревога тяжелой, ледяной дланью давила мне на грудь. Я закрыл глаза и вспомнил утренний осмотр. Врачи держали простыню перед моим лицом, чтобы я не видел, где и чем они меня касаются.

– Чувствуете что-нибудь, Уэс? – спросил доктор Харрис. Я чувствовал... что-то. Легкий толчок. Щекотку. Обнаде-

женный, я ухватился за это ощущение и сказал:

– Да. Что-то есть. Я что-то почувствовал. Это хорошо, правда?

Харрис нахмурился.

– Чувствуете боль?

– Нет. – По выражению лица доктора, я понял, что всё плохо. – Сделайте это посильнее. Что бы вы ни делали, делайте это сильнее.

Доктор поднял руку над простыней и показал мне пятидюймовую иглу.

– Я воткнул ее на три дюйма в вашу четырехглавую мышцу.

«Проклятие».

Мне прямо в мышцу воткнули иглу на три дюйма, а я едва ли чувствовал слабое давление, легкую щекотку.

– Попробуйте снова, – сказал я. – Уколите в другом месте.

Врачи кололи еще и еще. Игла входила в мои голень, икру, стопу – и ощущения были те же самые, как будто меня пощекотали перышком, хотя мне полагалось чувствовать боль.

Доктора положили мне на бедро кубик льда, и я почувствовал только слабое давление, никакого холода. Потом к моему колену приложили грелку-подушку – то же самое. Давление, но никакого ощущения тепла.

Неполное повреждение спинного мозга. Меня ждут месяцы реабилитации, чтобы, может быть, в один прекрасный день я смог передвигаться с ортопедическими скобами и ко-

стылями. Я представлял, как стану медленно ковылять, шаркая и волоча ноги, перенеся весь свой вес на руки. И это лучшее что мне светит. Более вероятный сценарий: я до конца жизни буду сидеть в инвалидном кресле.

«Теперь ты никогда не догонишь эту машину, Носочный Мальчик».

Врачи меня успокоили, дескать, паралитики вполне способны жить счастливой, насыщенной жизнью, но эти жалкие слова утонули в шуме крови у меня в ушах. Я вперил взгляд в потолок и замолчал. Наконец доктора ушли, но потом вернулась моя семья. И Отем...

Она поддержала меня в момент первого панического горя, но потом мне пришлось отпустить ее.

«Я должен ее отпустить».

Солнце садилось всё ниже. Я снова сконцентрировался на ногах, цепляясь за идею, что могу их почувствовать. Но никакой боли. Если бы я только почувствовал боль в ногах, то, возможно, однажды смог бы поправиться.

На прикроватной тумбочке лежали бумажный блок, ручка, стояли чашки и ваза с цветами – их поставила сюда Отем. Я смотрел на ручку и обдумывал одну идею, когда дежурная медсестра, Джина, зашла проверить, как у меня дела.

– Ужин принесут примерно через час, – сказала она. – Ваш первый прием твердой пищи, если считать йогурт или желе за твердую пищу. Вы голодны?

– Нет, – ответил я.

– Нужно есть, – заметила Джина, проверяя капельницы и мою температуру. – Надо поддерживать силы, чтобы мы могли оценить, как работает ваш кишечник. Боли были?

У меня на спине была точка, которая болела постоянно, пульсировала в такт сердцебиению.

Я постоянно испытывал боль, но не там, где хотелось бы. Я снова стал смотреть на шариковую ручку.

– Оцените боль по десятибалльной шкале, – предложила Джина. – От одного до десяти.

«От десяти и до ста».

– Уэс?

Джина наклонилась ко мне.

Я отвел взгляд от ручки и посмотрел на медсестру.

– Три.

– Вот как? – Улыбка Джины стала шире. – Отлично. После суеты, которой сопровождался переезд в эту палату, я думала, вам понадобится более сильная доза.

Я покачал головой. Мне нужно было сохранить способность чувствовать как можно больше. Мой собственный небольшой тест.

Джина поколдовала над трубками и катетерами, проверила мочеприемник, прикрепленный к кровати сбоку. Я упорно смотрел в потолок.

– Я вернусь, когда принесут еду. Дайте знать, если боль обострится. Я полагаю, сегодня вечером вам понадобится принять что-нибудь, чтобы уснуть. – Джина вдруг оставила

свои хлопоты и коснулась моей руки. – Вы уверены, что не хотите видеть посетителей? Ваша семья всё ещё здесь, только и ждет возможности вас увидеть.

Я покачал головой.

– Скоро вернусь.

Последнее похлопывание по руке, и медсестра ушла. Как только дверь закрылась, я добрался до ручки, игнорируя вспышку боли в спине. Шариковая ручка была самая дешевая. Я выдвинул острый кончик, отбросил простыню и ударил себя ручкой в бедро.

Словно в сюрреалистическом сне я наблюдал, как ручка на целый дюйм погрузилась в мою плоть. Я абсолютно ничего не чувствовал в ноге, но ледяное горячее ощущение затопило грудь, такое сильное, что верхняя половина моего тела онемела.

«Я только что устроил себе сердечный приступ».

Мониторы начали сходить с ума, запищали и замигали, как автомат для игры в пинбол. Прибежала Джина, за ней по пятам примчался доктор Кей. Станный, холодный жар всё выжигал дыру у меня в груди, накатила тошнота, я стал задыхаться, но видел только торчащую из моей ноги ручку. Меня волновало только одно: я совершенно ничего не чувствовал.

«Я не чувствую свою ногу».

– Автономная дисрефлексия, – пробормотал доктор. Он посмотрел мне в глаза, по-доброму, но строго. – Нельзя про-

водить такие опыты самостоятельно, Уэс. Ваши ноги не чувствуют боль, но ваше тело на нее реагирует.

«Какая разница?» – подумал я, пока они суетились надо мной и что-то вводили в капельницу – меня вдруг стало резко клонить в сон.

Из кровати вытянулись невидимые теплые руки, обхватили меня за плечи и потянули вниз.

Боли не было. Точнее, была, но не там, где я рассчитывал. Зато осталась боль в самом глубинном ядре меня, в душе – она ревела с бесконечной силой, даже в темноте.

Г.

Шариковую ручку у меня забрали.

Бумажный блок на столе оставался пустым. Подходящая метафора, подумал я, меткое определение того, что от меня осталось. Я очнулся от вызванного лекарствами сна и понял, что потерял нечто большее, чем способность ходить. Пульсирующая в сердце потребность писать; горящее пламя, которое не гасло даже в пустыне, на войне, теперь умерло, скончалось, как и мои ноги.

Я стал бегуном без ног.

У меня есть бумага, но нет ручки.

«Всему конец. Вот и всё».

За окном уже наступила ночь, черная и непроглядная. Часы на настенном мониторе показывали далеко за полночь.

«Это кара. Я гнался за тем, что мне не принадлежало. Я использовал свой писательский дар, чтобы манипулиро-

вать и обманывать, чтобы заставить Коннора чувствовать себя бесполезным. Я навредил Отем. Причинил боль девушке, которую любил, хотя поклялся никогда этого не делать. Поклялся никогда никого не любить. Мне нельзя никого любить».

Медсестра ночной смены, Синтия, проверила мои жидкости, катетеры и кровяное давление. После выходки с шариковой ручкой медсестрам было наказано надзирать за мной двадцать четыре часа в сутки, а наутро меня ждала встреча с психотерапевтом.

Синтия не походила на Джину. Джина вся состояла из добрых улыбок и теплых слов. Синтия не обременяла себя подобной чепухой и наблюдала за мной, как ястреб за добычей. Уверен, они с сержантом Денроем нашли бы общий язык.

– Вы должны спать, – заявила она, поправляя мне подушку.

– Кто сейчас в комнате ожидания? – спросил я.

«Скажи, что там Коннор. Пожалуйста. Скажи, что мой лучший друг вернулся».

– Обычный набор. Сестры, мать, отец...

– Он мне не отец.

Синтия надула губы.

– Знаю, вам сейчас больно, но, возможно, вам стоит провести небольшую инвентаризацию имеющихся в наличии родственников.

– Кто еще?

– Еще молодая особа, хорошенькая и рыжеволосая. – Синтия приподняла брови. – Ваша девушка?

«Отем – моя девушка».

Эта мысль принадлежала кому-то другому, вырвалась из прошлой жизни, не имевшей ко мне никакого отношения.

– Не могли бы вы попросить ее войти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.